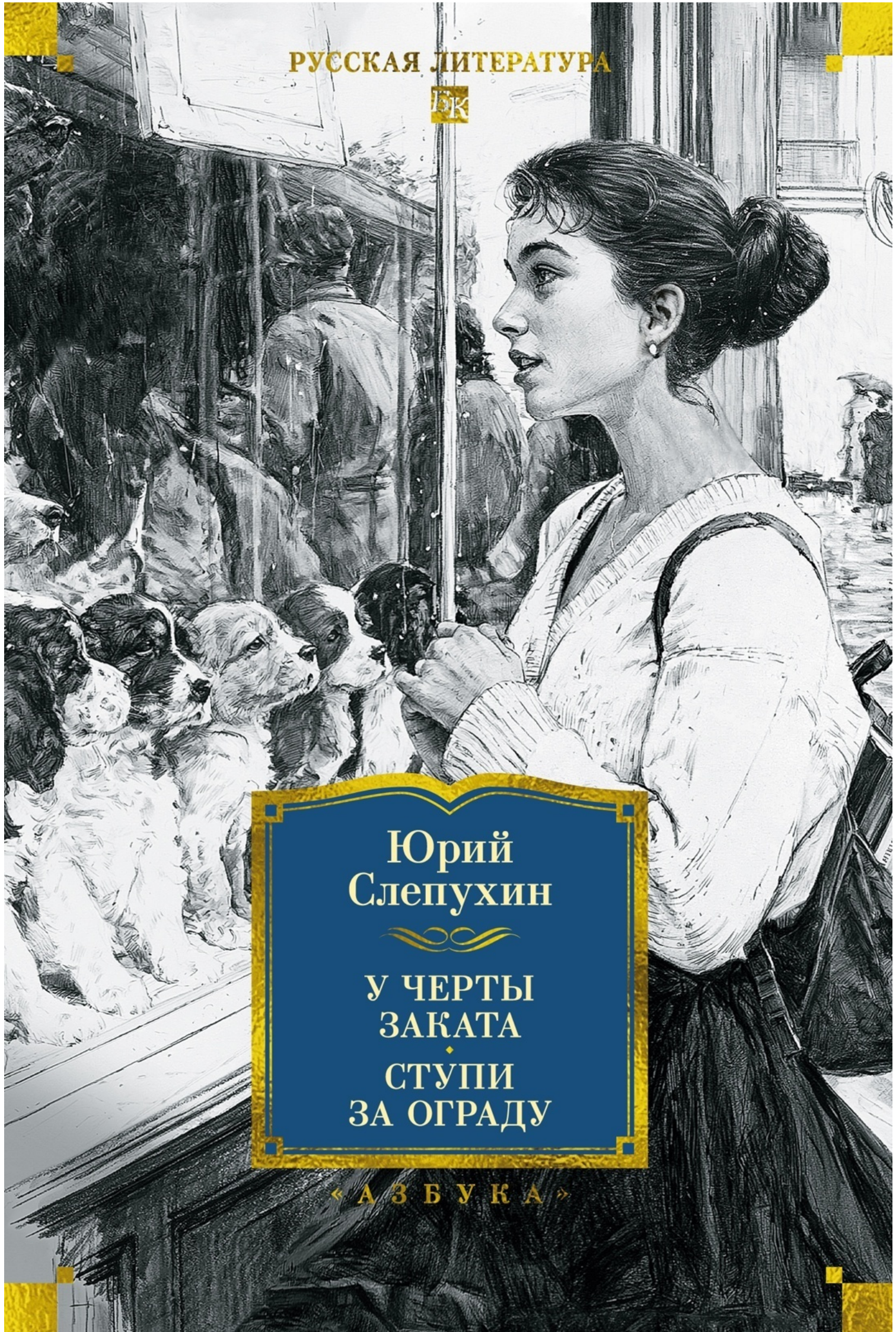

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Юрий
Слепухин

У ЧЕРТЫ
ЗАКАТА
СТУПИ
ЗА ОГРАДУ

« А З Б У К А »

Русская литература. Большие книги

Юрий Слепухин

У черты заката. Ступи за ограду

«Азбука»

1961, 1965

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Слепухин Ю. Г.

У черты заката. Ступи за ограду / Ю. Г. Слепухин — «Азбука»,
1961, 1965 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-33964-4

Романы Юрия Слепухина «У черты заката» и «Ступи за ограду», составившие «аргентинскую диологию», были начаты еще в Аргентине на испанском языке, но впервые увидели свет на русском, после возвращения писателя на Родину. В основе романа «У черты заката» лежит личная драма талантливого художника Жерара Бюиссонье, которая разворачивается на фоне бурной латиноамериканской жизни. Не добившись признания во Франции, он эмигрирует в Аргентину в поисках «своего зрителя», но сталкивается с тем же непониманием его творчества и нищетой. Отчаявшись, Жерар решает добиться хотя бы финансовой независимости и принимает предложение написать серию картин сомнительного содержания, что приводит его к осознанию своей творческой несостоятельности. И даже встреча с юной Беатрис Альварадо, девушкой его мечты, не может предотвратить трагическую развязку... В романе «Ступи за ограду» продолжается история Беатрис, чья жизнь после встречи с Жераром наполняется драматическими испытаниями: искушением страстью, конфликтами с семьей, сомнениями в истинности избранного пути. Оба романа читаются на одном дыхании и овеяны романтикой и глубокой любовью к жизни и людям.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33964-4

© Слепухин Ю. Г., 1961, 1965

© Азбука, 1961, 1965

Содержание

У черты заката	7
Часть первая. Мы живем в двадцатом столетии	7
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юрий Слепухин
Романы «У черты заката»,
«Ступи за ограду»

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

© Ю. Г. Слепухин (наследники), 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

У черты заката

Часть первая. Мы живем в двадцатом столетии

1

Последний посетитель ушел в четверть десятого; с полчаса салон пустовал, потом появилась молодая пара. Не задерживаясь, они торопливо прошли вдоль развешанных по стенам холстов и направились к выходу, негромко болтая и пересмеиваясь.

Человек, сидящий на диванчике в углу салона, поднял голову и устало прищурился вслед ушедшим. На больших часах над выходом обе стрелки сошлись на десяти. Да, посетителей больше не будет.

Служитель в серой ливрее вышел из боковой двери и начал выключать софиты. Человек медленно поднялся с дивана. Конечно, не надо было связываться с этой затеей. На деньги, которые уплачены за помещение, он вполне мог бы прожить пару месяцев, если не больше. А теперь? Впрочем, не исключена еще возможность, что завтра что-нибудь купят. Маклеры обычно покупают в последний день выставки, когда художник более стоворчив. Хотя и это маловероятно.

Развешанные вокруг картины – его собственные картины, которые никто не хочет покупать, – вызывали жалость и отвращение. Опустив голову, чтоб их не видеть, он медленно побрел к выходу.

Человек стоял на углу, сцепив за спиной пальцы, и попыхивал трубкой, морщась от горечи дешевого табака. Сотни автомобилей катились мимо непрерывным сверкающим потоком, в глазах рябило от разноцветных вспышек рекламного электричества, из соседнего бара доносились обрывки танцевальной музыки. Шумливая южная толпа, праздная и беззаботная в этот субботний вечер, теснилась вокруг, и в этой толпе он был одинок – словно отделенный от всех невидимой, но непроницаемой стеной. Да хоть застрелись он сейчас здесь – в самом центре Буэнос-Айреса, на углу Флориды и Коррьентес, – его смерть никого не заинтересует, разве что какого-нибудь безработного репортера...

Трубка погасла, он выколотил ее о каблук и принялся снова набивать табачной трухой со дна кисета. Декабрьская ночь была душной, стены домов и рифленые плитки тротуара щедро отдавали накопленный за день зной. Все казалось бредовым – и эта жара за две недели до Нового года, и воткнутая в черное небо белая, словно раскаленная прожекторной подсветкой, огромная игла Обелиска, и – главное – то, что он сам, Жерар Бюиссонье, стоит сейчас здесь, на этой опутанной неоновым серпантинном улице, за тысячи миль от ближайшего французского порта.

Франция, Париж... Облетевшие каштаны и острые шиферные крыши, лабиринт узких горбатых переулков Монмартра, гул зимнего ветра в мостовых пролетах, медленное движение барж, тысячетлетние камни и воздух, этот неповторимый воздух Парижа... Зачем только он оттуда уехал, зачем отправился искать признания на чужбине? Как можно было думать, что тебя поймут и оценят чужеземцы – после того, как не поняли соотечественники...

– Что ж, не ты первый, не ты последний, – пробормотал он вслух, зажигая спичку. – Утешайся хоть этим...

Человек стоял, сутуло опустив плечи, в понурой позе усталого мастерового. Но это не была радостная усталость после работы, и она пришла не сегодня и не вчера; уже несколько месяцев, ложась ли спать, просыпаясь ли, он чувствовал себя одинаково усталым – хронически усталым от этой собачьей жизни, от вечного безденежья, от несокрушимого равнодушия публики. И от сомнений, бороться с которыми становится все труднее.

Мы живем в первое десятилетие атомной эры, на переломе самого грозного века человеческой истории. Пятьдесят миллионов убитых в последней войне, Орадур, Дахау, Дрезден и Хиросима; может быть, после всего этого действительно нельзя продолжать жить так, как пытался жить он – этаким новым Ван Гогом, – не зная ничего, кроме работы, скитаться по стране с этюдником, вновь и вновь открывая для себя, чтобы запечатлеть на холсте, сказочную прелесть волнуемой степной травы и высоких полуденных облаков над равниной Камарги, радужные брызги прибоя, дробящегося о бретонские скалы, сонные заводы на Луаре, бесчисленные оттенки листвы виноградников Шампани... Может быть, это и в самом деле уже никому не нужно? Маршаны, правда, брались выставлять его холсты, похваливали колорит и композицию, но всякий раз при этом давали понять, что рассчитывать особенно не на что. «Вы понимаете, дорогой мэтр, пейзаж – это сейчас не очень...»

Жанровые вещи, написанные на исторические сюжеты, тоже не имели успеха, хотя «Отъезд из Вокулёра» и удостоился, правда, нескольких благосклонных отзывов печати. Ему самому, всегда относившемуся к своим полотнам с придирчивой требовательностью, «Отъезд» нравился даже сейчас, спустя одиннадцать лет. Да, нравился ему, автору, но не публике. И неизвестно, кого же наконец следует отнести к категории ослов: публику или его самого, Жерара Бюиссонье?

Очевидно, приходится признать, что осел – это именно он. И что Дезире была тысячу раз права, когда заявила ему о своем нежелании продолжать игру в романтику и голодать к вящей славе искусства...

Во рту стало горько от попавшего на язык табачного сока. Бюиссонье сплюнул, развинул и продул трубку, привычным движением пальца умял табак. Да, так она ему и сказала, именно такими словами, в позапрошлом году на Кот-д'Азюр. Поездка в Жюан-ле-Пен, на которую ушли их последние сбережения, была ее затеей, сам он никогда не любил модных курортов...

– Если не ошибаюсь, сеньор Бюиссонье? – раздался за его спиной незнакомый голос, произнесший испанские слова с сильным иностранным акцентом.

Вздрогнув от неожиданности, он обернулся и увидел перед собой незнакомца – крепкого, небольшого роста, в свободного покроя светлом костюме и сдвинутой на затылок панаме.

– Не ошибаетесь, – с некоторым недоумением ответил Бюиссонье. – Чем могу служить? Незнакомец добродушно улыбнулся:

– О, я просто увидел и взял смелость подойти! Я вчера... как это... имел быть в «Галерия Веласкес», на ваша экспозиция. Мое имя есть Брэдли, Аллан Райбэрн Брэдли.

– Очень приятно... – Бюиссонье пожал протянутую руку, та вцепилась энергично, с деловой хваткой. – Если вам удобнее, мы можем говорить по-английски.

– Неужто умеете? – обрадовался тот. – Тем лучше, будь я негр, не придется выламывать язык. Послушайте, мистер, вы сейчас свободны? Я бы предложил зайти пропустить по глотку – суббота ведь, в такой вечер грех не дать себе разрядку. Как вы на это смотрите?

Жерар ответил не сразу. Пить с незнакомыми он не любил, а тем более пить на чужой счет и не иметь возможности ответить встречным угощением.

– Спасибо, но я... сегодня меня не особенно тянет на выпивку, честно говоря...

– Бросьте, мистер! – Брэдли бодряще потрепал его по локтю. – Бросьте, говорю, аппетит приходит во время еды. Впрочем, может, вы нацелились подцепить девочку? Нет? Тогда пошли! Пошли, что вам еще делать – вот так одному и торчать на улице?

«Резонный вопрос», – подумал Жерар. Или торчать одному на улице, или возвращаться в обшарпанную мебелирашку в Барракас – сорок минут трястись в трамвае, а потом пробираться плохо освещенным переулком, мимо выставленных на тротуар зловонных мусорных баков. И если вернуться раньше полуночи, то есть риск встретиться с хозяйкой, которой не уплачено за два месяца.

– Идемте, – согласился он. – Вечер у меня и в самом деле не занят.

– ... Вот пить вы, европейцы, определенно не умеете. Нет, я имею в виду настоящие мужские напитки. Куда это годится – сидеть вот так над бутылкой кислоты! Все равно что заниматься созерцанием собственного пупа. Как в Индии, знаете? Есть у них там такие, сидит целый день и созерцает. Поэтому-то вас и сшибли с арены – по недостатку динамизма. Мы в Штатах подходим к этому делу иначе. Время – деньги, верно? Значит, если мне нужно дать себе встряску, я что делаю? Быстро хлопаю стаканчик-другой – вот так, на два пальца бурбону, а сверху сода. И через десять минут душа у меня уже ликует. А пить вино – чистая потеря времени, и потом, это ведь страшно негигиеничный продукт. Ведь его как делают? Ногами. Ногами, будь я негр! Сам видел во Франции: фермеры лезут прямо в чан с виноградом и топчут его ногами. А ноги-то небось и не мыты, э? Тогда как вот это... – Брэдли протянул руку и пощелкал по горлышку бутылки, – это виски вырабатывается с соблюдением всех правил гигиены, можете мне поверить. Это я тоже видел, как его дистиллируют. Чистота неописуемая! Рабочие в белых халатах, все кругом блестит, трубопроводы из нержавеющей стали – ну просто операционная... Нет, что бы вы ни говорили, а виски – штука гениальная, не хуже водородной бомбы. Главное – действует быстро и безотказно. Вот коктейли эти всякие – это уже ерунда, питье для школьниц. Знаете, когда коктейль бывает полезен? Вот если вам нужно в темпе обработать даму, тогда рецепт простой: два хайбола, одна пластинка танцевальной музыки, и дело сделано. Э? Признайтесь, что вы в Европе до этой техники еще не дошли. Ведь верно?

– Ну как сказать... – Жерар усмехнулся. – Ваше лестное мнение о Европе, боюсь, несколько устарело.

– Да знаю я ее! В сорок пятом – в Германии и Италии – мы, понятно, обходились без музыки. Достаточно было показать банку корнед-бифа. Но тогда была особая ситуация – разруха, голод, сами знаете... Нет, я сейчас говорю о подходе к этим делам вообще. Европейцу, чтобы затащить девчонку к себе в постель, требуется еще целая чертова куча всяких атрибутов – серебряная луна, чувства, охи, ахи... На кой дьявол все это во второй половине двадцатого века? Просто смешно – вдруг требуется какая-то луна. При чем тут луна? Да по мне – провались она в преисподнюю... В конце концов, что мне нужно – луна или девчонка? Согласитесь сами!

Залпом опорожнив свой стакан, он снова долил его до половины и выбросил из кармана на стол пачку сигарет.

Оркестр заиграл французское танго, медленное и печальное. Несколько пар покачивалось на маленькой танцевальной площадке, освещенной цветными рефлекторами. Бюиссонье сидел, прикрыв глаза, мундштуком трубки отстукивая ритм на подлокотнике. Брэдли молча курил и наблюдал за танцующими, потом вдруг снова пришел в возбуждение и ухватил художника за рукав.

– Смотрите, смотрите, – зашептал он громко, – видите ту, в синем? Вот та, что танцует с усатым, – видите? Что скажете, а?

– Да-а, – протянул Жерар, посмотрев на указанную пару. – Действительно, оригинальное лицо... помните боттичеллиевскую Афродиту?

– Идите вы со своим Боттичелли, – отмахнулся Брэдли, – я говорю не про лицо, вы лучше обратите внимание на ее фигуру. Здорово, а? Не тело, а миллион долларов, будь я трижды негр. Чем мне нравится современная мода – это тем, что она – в отличие от всех прежних –

раздевает женщину, вместо того чтобы ее одевать. В самом деле, эта девчонка в синем, разве она одета? С таким же успехом могла прийти танцевать в купальном костюме... или вообще без ничего. Молодец она, просто молодец... А у вас, кстати, на одной картине неплохая изображена дамочка...

– У меня?

– Да, там еще билетик был – «продано». Красивая такая блондинка, в длинном платье. Видная женщина.

– А, Изольда. – Жерар улыбнулся: Брэдли начинал забавлять его своей непосредственностью. – Единственный холст, на который нашелся покупатель. Так вам, говорите, она понравилась?

– Да, в моем вкусе. Не люблю, понимаете, этих современных... не знаю даже, как их назвать. Женщина должна выглядеть женщиной, какого дьявола. Только вы позволите одно замечание?

– Сколько угодно.

– А то ведь ваш брат бывает обидчив. Так вот, мне думается, парня в гробу вы туда присобачили напрасно. Публика, Бусс, таких штук не любит. Мрачное напоминание – улавливаете мою мысль? Даже странно, что эту картину купили. Мексиканец какой-нибудь, не иначе.

– Почему – мексиканец? – удивился Жерар.

– А они, сукины дети, такое обожают. Не приходилось бывать в Мексике? Там у детей любимая игрушка – скелетик на веревочке. Дергаешь, а он пляшет. Представляете? Я раз зашел в кондитерскую на Пасео де Реформа, спросил кофе с пирожными. Знаете, что мне принесли? Шоколадные гробики, будь я негр! Меня чуть не стошнило. Просто некрофилия какая-то, причем поголовно. У нас в Штатах, скажем, эту вашу картину никогда бы не купили. Нет, в самом деле, чего это вам вздумалось изобразить покойника?

– Вы «Тристана и Изольду» помните? Он ведь ее не дождался. Она приехала, а он уже мертв. Вот эту сцену я и написал.

– А-а, ну тогда конечно, – согласился Брэдли. – Нет, я про эту парочку не читал. Нет, понимаете, времени – слишком я для этого занят. А выдастся свободный день – тянет на выпивку или на что-нибудь вообще такое... – Брэдли вздохнул и отпил глоток. – Никогда не занимайтесь бизнесом, Бусс, послушайте опытного человека. Бизнес выжимает человека, как апельсин, это самая каторжная работа, будь я негр! Это только со стороны кажется, что бизнесмены живут и наслаждаются жизнью... Понятно, есть и такие – ежедневный гольф, прогулки в Европу, женщины и так далее, но это не настоящие дельцы, это, скорее, просто снобы, которые не делают деньги, а тратят их. Знаете, как живет настоящий бизнесмен? Он ни шиша не знает – ни девчонок, ни хорошей выпивки, никаких там парижей или неаполей. Он работает по восемнадцать часов в сутки, как самый последний черномазый сукин сын, и не видит ничего, кроме своих секретарей и своих телефонов. У него полно долларов, но он даже не может хорошо пожрать, потому что к сорока годам у него уже язва желудка и врачи разрешают ему одну овсянку...

– В самом деле, каторга, – кивнул Жерар, рассеянно наблюдая за танцующими. – Впрочем, вы, Брэдли, не производите впечатления выжатого апельсина. А?

Брэдли пожал плечами:

– Я не веду крупных дел, Бусс. Я представляю некоторые фирмы, но... скорее как служащий, как агент на процентах... а самостоятельных дел я не веду. Поэтому у меня больше свободы, больше возможностей располагать собой. Да и то... Я вам говорю – почитать некогда! Вообще паршиво. Вам, людям свободной профессии, можно только завидовать. Давайте-ка выпьем за людей искусства.

– Мерси.

Они выпили и некоторое время сидели молча, думая каждый о своем. Потом Брэдли нарушил молчание, внезапно рассмеявшись:

– Это я вспомнил о «людях искусства»... У меня есть в Штатах приятель, киношник, работает для «Уорнер бразерз». Вот где обстановочка! Пьют они все как сукины дети. Этот мой приятель летал в прошлом году на кинофестиваль в Монтевидео – вот, рассказывает, была потеха...

– Это всюду так, более или менее, – зевнул Жерар. – Я, правда, близко с этим народом не общался, но слышать приходилось. Во Франции на киностудиях тоже черт знает что делается.

– Да, эти умеют сочетать приятное с полезным, – посмеялся Брэдли. – И деньги делают, и веселятся в то же время. Но надо сказать, работать наши ребята умеют, не даром получают свои доллары. Вам вообще наши фильмы нравятся?

– Признаться, не особенно.

– Серьезно? Ну, это вы напрасно. Правда, многие жалуются, что у нас фильмы пресные... Но это уж цензура виновата. Вы знаете, у нас на этот счет строго: если артистка снимается в купальном костюме, то он должен быть строго по регламенту. Цензоры тут как тут: чуть на полдюйма короче, сразу тебе хлоп вето – и в преисподнюю. Эти цензоры страшный народ, прямо коммунисты какие-то... Послушайте, Бусс, когда закрывается ваша выставка?

– Завтра.

– О, уже? Отлично... Давайте-ка встретимся с вами послезавтра вечером, у меня будет к вам деловой разговор. Заходите лучше ко мне на дом, там поговорим без помех. Я живу на Санта-Фе, почти на углу Кальяо. Вот, возьмите карточку... Это девятый этаж, квартира «Е»...

2

День спустя, в половине одиннадцатого вечера, Жерар вошел в подъезд нового многоэтажного дома на авеню Санта-Фе. Уже в нижнем вестибюле обстановка непривычной роскоши вызвала у него раздражение. Скрытые в карнизах люминесцентные трубки мягко освещали большой холл, сплошная зеркальная стена еще больше усиливала эффект пространства, под ней, в узком мраморном желобе, росли причудливой формы декоративные кактусы. После уличной бензиновой духоты особенно приятной казалась прохладная свежесть кондиционированного воздуха. Жерар мельком взглянул в зеркало, пригладил волосы и, еще раз сверившись с адресом в записной книжке, пошел к лифту.

Бесшумно задвинулась лакированная дверь кабинки, пол плавно нажал на подошвы. Жерар стоял ссутулясь, держа руки в карманах пиджака, и исподлобья смотрел на вспыхивающие над дверью цифры. Он уже ругал себя за то, что принял приглашение Брэдли и явился в этот дом, где все било в глаза показной роскошью. На кой черт ему все это сдалось, в самом деле?.. Мало он еще видел богатых кретинов! А впрочем, кто знает, что он ему предложит... Седьмой... Если он хочет что-нибудь купить... Восьмой, следующий, кажется, его. Одним словом, посмотрим.

Вспыхнула девятка – лифт так же плавно замедлил ход и остановился. Дверь мягко шелкнула и откатилась. Выйдя, Жерар решительным шагом направился к двери, на которой блестела золоченая буква «Е».

Брэдли, одетый по-домашнему, в пестрой гавайской распашонке, встретил его радушно.

– А-а, Бусс! – воскликнул он. – Как поживаете, старина? Ну и отлично, проходите в живинг¹, я сейчас похлопочу насчет пойла... Вы знаете, кто-то вылакал у меня весь коньяк, так что если вы не против коктейлей... я сейчас, один момент...

¹ Гостиная (англ. living-room).

Жерар опустился в низкое кресло и принялся набивать трубку, с любопытством оглядываясь вокруг. Маленькая гостиная была обставлена с тем стандартным комфортом, который свидетельствует только о богатстве, ничего не говоря о вкусах хозяина. Выдержанная в стиле «функциональ» низкая мебель, обитая модной тканью пестрого геометрического рисунка, в углу – большой телевизор с никелированными усиками антенны. На стенах, окрашенных в приятный для глаз бледно-зеленый цвет, – несколько акварелей среднего качества, морские и горные пейзажи. Низкий длинный стеллаж был пуст, если не считать десятка книжек карманного формата в ярких глянцевиных обложках и номера «Лайфа»; на верхней доске валялась кожура апельсина и стоял великолепный «Зенит-Трансконтиненталь» в обтянутом черной кожей футляре. Шкала приемника светилась, но регулятор громкости был прикручен, – очевидно, Брэдли слушал музыку до прихода гостя. Раскуривая трубку, Жерар еще раз выругал себя за то, что не отказался от приглашения.

Вошел хозяин с нагруженным подносом в руках. Ногой придвинув к креслу Жерара низкий столик неправильной овальной формы, он расставил на нем бутылки, шейкер для сбивания коктейлей и пластмассовую мисочку со льдом.

– Ну, кажется, все в порядке, – заявил он, швырнув поднос на диван. – Жарко на улице?

– Духота, – поморщился Жерар. – Проклятый климат, никак к нему не привыкну.

– Давно в Аргентине? – поинтересовался Брэдли, придвигая для себя второе кресло.

– Третий год.

– Испанским овладеть успели?

– Вполне... Для французов он легок – те же корни.

– Ясно. А мне вот трудно. У вас, наверное, вдобавок ко всему еще и способности к языкам. Английский где учили?

– В школе, где же еще. А потом – практика во время войны... У нас в отряде был один англичанин, мы с ним друг друга и натаскивали. Сам-то он был филолог, интересовался французским.

– Понятно. Ну а как вам вообще Аргентина?

Жерар сделал неопределенный жест:

– Страна неплохая, если не считать климата...

– Вы правы, климат здесь паскудный, без кондиционированного воздуха не проживешь.

– Проживешь, и еще как. – Жерар усмехнулся. – У меня комнатка под самой крышей – в январе прошлого года по ночам бывало до тридцати градусов, я специально купил термометр. Как видите, еще жив!

Брэдли сочувственно хмыкнул, покачал головой.

– Ничего, это были временные неприятности, – сказал он. – С кем не бывает... Давайте-ка выпьем за ваш успех.

Отложив сигарету, он принялся манипулировать бутылками, с аптекарской точностью отмеривая в шейкер разноцветные жидкости.

– Угощу вас собственным изобретением. – Он подмигнул и, закрыв сосуд, стал трясти, перемешивая содержимое. – Я вообще коктейли не очень... Предпочитаю чистое... Но иногда занятно придумать что-нибудь новенькое. Так выставка ваша, значит, закрылась уже... Ясно, ясно. Вы, помните, говорили, что «Изольту» удалось продать... За сколько, если не секрет?

Жерар, занятый раскуриванием снова погасшей трубки, молча показал два пальца, пошевелил ими в воздухе.

– Две тысячи песо? Немного... Совсем немного! Вон, возьмите-ка «Лайф» – на полке, рядом с вами. Там репродукция одной картины, называется «Голубое молчание», – продана в Нью-Йорке за полторы тысячи долларов... Тоже с персональной выставки, как и ваша. Долларов, Бусс, понимаете? Вот посчитайте – курс сегодня был двадцать три... Двадцать три плюс

одиннадцать пятьсот... Это составляет почти тридцать пять тысяч песо. В семнадцать раз дороже вашей!

Жерар потянулся к стеллажу, взял «Лайф» и, хмурясь, нашел указанную страницу с репродукцией «Голубого молчания». Прочитав сопроводительный текст, он несколько секунд рассматривал картину, потом перевернул журнал вверх ногами, еще посмотрел и пожал плечами.

– Не ново, – сказал он, бросив «Лайф» на место. – Видал я вещи и позаковыристее.

– Это верно, – согласился Брэдли, разливая по стаканам жидкость неопределенного цвета. – Берите, лед добавь по вкусу... Это верно, есть и позаковыристее. Здесь вообще ничего не разберешь, так что и пугаться нечего, а я вот в прошлом году в Европе был на одной выставке, этих – как они? – суперреалисты, что ли...

– Сюрреалисты.

– Именно. Так там меня, знаете, до холодного пота прошибло, будь я негр. Ваше здоровье, Бусс.

– Мерси, – кивнул Жерар. – Взаимно.

– Знаете, что там было? Например, так: нарисована серая такая плоскость, вроде бетонированной взлетной дорожки, и стоит пара человеческих ступней. Понимаете? Так, приблизительно по щиколотку. И внизу – настоящая ступня: пятка, пальцы, на одном даже мозоль, а выше точно как ботинки – дырочки для шнурков, шнурки развязаны, болтаются, коричневого цвета, как сейчас помню, и внутри пусто. Ну просто стоят на аэродроме чьи-то ботинки, понимаете? И знаете, что самое страшное? Над всей этой чертовщиной – синее-синее небо, в зените – солнце в состоянии полного затмения, просто темный диск и корона, а от этих проклятых ступней-ботинок – тень на две стороны, вправо и влево...

– Я что-то про эту картину слышал... – пробормотал Жерар.

– Вы знаете, я человек не из пугливых, – продолжал Брэдли, – но тут мне просто не по себе как-то стало. Я даже не знаю, как это назвать, такое чувство... Ну, представьте, ночью в темной комнате в вашем присутствии кто-то бредит... Причем страшно бредит, бред ведь бывает и нестрашный. Так вот что-то похожее я испытал перед этой картиной. Ну вот вы мне скажите, Бусс, как это понимать? Я вам скажу прямо: в искусстве я ни черта не смыслю. Но вы-то должны знать. Что это, вот такие картины, – всерьез это или просто так, чтобы деньги из дураков выжимать?

Жерар неопределенно пожал плечами, вертя в пальцах стакан:

– Сложный вопрос, Брэдли, однозначно тут не ответишь... Художник отражает мир таким, как он его видит. Как правило, это всерьез. Другое дело, что... видение мира может быть искаженным, болезненным...

– Вы-то его видите нормальным?

– Я – да. Но опять-таки – нормальным с моей точки зрения, а является ли это нормой для других?... Кто знает?

Он снова пожал плечами и, криво усмехнувшись, отпил из стакана.

– Возможно, и не является, – продолжал он, – коль скоро публика предпочитает другое. Понимаете, Брэдли... Сколько бы мы ни утешали себя тем, что современники чаще всего ошибаются в своих оценках, все же первая, спонтанная реакция публики кое-что значит...

Брэдли слушал молча, подкидывая на ладони зажигалку.

– Публика... – сказал он задумчиво. – Наверное, не стоит валить всю публику в одну кучу... Там ведь тоже попадают разные типы. Одни любят современных живописцев, с выкрутасами, а другие... Да и это увлечение модернизмом, должен вам сказать, не очень-то меня убеждает. Это, скорее, погоня за модой. Модно – значит хорошо. В картинах, если говорить всерьез, непричастные к искусству люди обычно не разбираются... Вот и покупают то, что покупают все. Понятно, есть и другие... У меня вот, знаете, здесь много знакомых. В дело-

вом мире, конечно. Очень богатые люди – по-настоящему богатые, даже в американских масштабах... Ну, у них тоже висит все это модное дерьмо – но где висит? На виду, понимаете? Где люди бывают. Это как вывеска. А на самом деле они, конечно, прекрасно понимают, что все это цента ломаного не стоит. Взять хотя бы старика Руффо – знаете небось, кожевенный король? У него еще здоровенная такая реклама на крыше Эдифисио Вольта, неоновая: «Кожи Руффо – лучшие в мире»...

– Ну видал. Так что?

– Просто вспомнил, – усмехнулся Брэдли. – У него одна из лучших коллекций Сальвадора Дейли.

– Дали, – хмуро поправил Жерар.

– Ладно, пускай так, вы вообще на мое произношение плюньте, я оксфордов не кончал. Так я говорю, у него коллекция одна из лучших, и все подлинники. А сам старик мне жаловался: я, говорит, когда мимо прохожу, глаза замуриваю... Погодите-ка, что-то наши стаканы пустуют...

Жерар, хмурясь и попыхивая трубкой, молча следил за ловкими движениями волосатых рук своего нового знакомого. Руки ему не нравились – мясистые и короткопалые, уж он-то, как художник, знал толк в руках. А сам Брэдли? Черт его разберет... Так, ни рыба ни мясо, типичный нувориш. Вроде добродушный, а вообще кто его знает.

– Мерси, – кивнул он, принимая стакан. – Так что вы начали рассказывать об этом Руффо?

– Ваше здоровье... Да, так я говорю – для людей он держит этого Сальвадора, а у самого в спальне на самом видном месте висит тициановская «Даная», и копия-то довольно посредственная. Вот вам и любовь к модернизму. Небось Пикассо какого-нибудь не повесил, хе-хе-хе! У него вообще много там картин, старые мастера, и все на такую тему... Разные Венеры, Леды, Сусанны, потом там еще Европа на быке и эта, как ее, с облаком...

– Ио, что ли?

– Именно. Нимфа Ио, Юпитер там в виде облака... Ловкий был парень этот Юп, – засмеялся Брэдли, – вот уж действительно умел подходить к девчонкам... Ну ладно, не в том дело. Так что, видите... Искусство есть искусство, как его ни перелицовывай. Конечно, за модой люди гоняются, это верно. У меня вот племянница в Штатах, в Кентукки... Так к ним как ни приедешь – она всякий раз уже по-новому. То у нее юбка до колен, то чуть ли не до полу, а этим летом заехал – так она гостей принимает в теннисных штанишках, вот до сих пор, будь я негр. И все ее подружки так, а парни – в синих рабочих брюках, фуфайки на них бейсбольные и головы под машинку острижены – как каторжники, страшное дело. Мода, говорят, ничего не поделаешь! А вас мне жалко, Бусс... Черт возьми, с вашим талантом можно было бы...

– Ладно, Брэдли, – грубо сказал Жерар, – сентименты можете оставить при себе. До сих пор я не подох, – надо полагать, не подохну и впредь.

– Подыхать вам ни к чему... Вам жить надо – вот в чем штука. Подохнуть – это легче всего, Бусс, это никогда не поздно. Согласны?

– Я не люблю прописных истин, Брэдли. Вы, кажется, пригласили меня по какому-то делу? Выкладывайте, чего зря болтать.

– Дело... – смутился Брэдли. – Видите ли, Бусс, дело есть, тут вы попали в точку... Только я не знаю, как за него взяться... Черт, не гожусь я для таких поручений, будь я негр...

Жерар поднял брови:

– У вас ко мне поручение? От кого?

– Да... Точнее, не именно к вам, а вообще... Но это предложение я могу сделать вам, потому что... Прежде всего вот что, Бусс. Говоря откровенно, вы верите в возможность того, что я, увидя вас, просто захотел вам помочь? Просто помочь – честно, безо всякой для меня выгоды...

– В принципе, – Жерар пожал плечами, – допустим.

– Так вот, я хочу, чтобы вы поверили в мою искренность. Нам, американцам, обычно никто не верит... Слишком уж наши политики нагадили по всем пяти континентам, что тут скрывать. Но я не политик – я просто бизнесмен и человек со связями и средствами. Нам иногда приходит в голову такое желание, вы знаете... Всякие там карнеги или рокфеллеры – те основывают музеи, университетские фонды, стипендии и всякую такую штуку, я этого, понятно, не могу – не те возможности. Но помочь одному-другому – это дело другое... В частном порядке, так сказать. Видите ли... Я просто мог бы предложить вам денег. Но вы бы их не взяли. Верно?

– Верно, – ответил Жерар, снова набивая трубку. – Вы чертовски догадливы, Аллан.

– Я так сразу и понял. Это все ваша проклятая европейская гордость, но вообще вы правы. Принимать подачки вам не к лицу, да и ни к чему, вы и без них проживете. Поэтому я решил предложить вам дело другого рода... Только давайте договоримся – вы меня слушаете спокойно, и если у вас появится желание дать мне в морду, постарайтесь от этого воздержаться.

– Ладно, – засмеялся Жерар, – удержусь. Я уже давно чувствую, что вы хотите подъехать ко мне с какой-то пакостью.

– Да, по сути дела, это пакость, – серьезно согласился Брэдли. – Видит небо, мне это предложение не по душе и самому, но в данный момент я просто не вижу другой возможности вам помочь. Сейчас я расскажу вам, в чем дело, но только еще раз прошу верить в полную мою незаинтересованность во всей этой истории...

Он торопливо допил свой коктейль и подался вперед в кресле, соединив концы растопыренных пальцев.

– Я исхожу только из желания вам помочь. Вы и сами сейчас увидите, что никакой возможности заработать здесь у меня нет. Вы помните, я рассказал вам о вкусах старика Руффо в отношении картин?

– Ну, – кивнул Жерар, окутываясь дымом, – Леды, Сусанны... Вкус, довольно распространенный в его возрасте.

– Дело в том, что когда-то он был большим бабником. Да и сейчас остался, но главным образом платонически – годы не те, да и здоровье не позволяет. Остается одно – посмотреть на хорошую картину. Но те, что у него висят, его как-то... не удовлетворяют. В конце концов, все это старье можно увидеть в любом музее. Да и стандарт женской красоты был тогда несколько иной, не правда ли? В конце концов, все эти старинные красотки слишком уж смахивают на упитанные тушки с реклам Свифта – сплошной бекон, никакой линии... Ну а старик злится, он ведь, между нами говоря, в этом толк понимает. Ему хочется увидеть что-нибудь такое, знаете... чтобы по-настоящему дух захватывало. Чтобы и фигурка была как у Мэрилин Монро, и вообще все... Как это вы называете, композиция? Чтобы и вся композиция картины была бы такой... Ну, вы понимаете, не слишком пуританской...

Жерар, уже сообразивший, в чем дело, смотрел на Брэдли с изумлением.

– Слушайте, Аллан, – сказал он, – можете не продолжать, я уже...

– Стоп, – прервал его тот, – наберитесь терпения, Бусс. Вы, я вижу, уже догадались – тем лучше. Одним словом, дон Ансельмо просил меня подыскать ему хорошего художника – именно художника, не какого-нибудь сопляка из модернистов, – который согласился бы написать с полдюжины таких картин для его галереи. Так. Что касается цены, то вы сами понимаете – Руффо может позволить себе платить по-настоящему хорошо – скажем, в пределах от пятнадцати до двадцати тысяч за полотно, разумеется в местной валюте. Но, я считаю, и это неплохо? И потом, учтите, что тут важно понравиться; попадете в точку – и уже в дальнейшем цены диктовать будете вы, не он. Вот мое предложение, Бусс. Вернее, предложение дона Ансельмо Руффо...

Брэдли облегченно замолчал. Жерар продолжал смотреть на него с тем же выражением.

– Послушайте, – сказал он наконец, пожав плечами, – черт возьми... Неужели вы и впрямь могли подумать, что я пойду на такое? Вы производите впечатление разумного человека и вдруг преспокойно заявляете мне в глаза такую штуку. Тут даже не приходится искать каких-то мотивировок для отказа, вы ведь понимаете. Вы ведь не ребенок, чтобы я поучал вас, что можно делать и что нельзя...

– Минутку, Бусс, – перебил его Брэдли, предостерегающе подняв руку. – Вы недавно сказали, что не любите прописных истин. Верно? В таком случае оставьте их при себе. Я заранее знаю все, что вы мне сейчас скажете, и все это будут именно прописные истины, будь я негр. Давайте обойдемся без них, вы совершенно верно заметили, что я уже не ребенок. Мне пятьдесят лет, вам около тридцати, так что мы оба разумные люди, причем я несколько разумнее вас. Не обижайтесь, я имею в виду жизненный опыт и так далее. Так вот. Повторяю, вы мне ничего нового не скажете – этические нормы, общественный долг служителя искусства, воспитательная роль – все это я знаю. Чем говорить громкие слова, давайте-ка лучше разберемся в их смысле...

– Мне нечего в них разбираться, Брэдли, – уже резко сказал Жерар, – я тоже не мальчишка и давно уже разобрался во всем, в чем считал нужным.

Брэдли добродушно усмехнулся, разливая по стаканам остатки коктейля:

– Боюсь, что плохо вы разобрались, Бусс... Плохо, будь я распоследний черномазый. Ваша же собственная биография об этом свидетельствует.

Жерар опустил трубку и нахмурился:

– Моя биография?

– Ваша собственная, – подмигнув, повторил Брэдли. – Вы, я вижу, заинтригованы? Простая штука, Бусс, – я не люблю иметь дела с неизвестными. И когда вчера я решил вам помочь, то первое, что я сделал, – позвонил кому следует, и через два часа мне прислали ваше досье из архива иммиграционного управления. В конце концов – будем откровенны, – вы могли оказаться чем угодно, от военного преступника до международного афериста. Здесь, в Латинской Америке, можно нарваться на кого хотите. А так я убедился, что вы именно то, чем показались мне с первого взгляда, – обычный честный человек, плюс к тому талантливый, которому просто не повезло в жизни...

– Это не касается никого, кроме меня. Ясно?

– Дорогой мой, я вас понимаю! Выпьем за то, чтобы и вы поняли меня так же хорошо.

Продолжая хмуриться, Жерар залпом опорожнил свой стакан в три глотка. Брэдли, отпив из своего, закурил и занялся приготовлением новой порции.

– Ваша биография... – задумчиво говорил он, морщась от дыма зажатой в углу рта сигареты и разглядывая на свет бутылки, – кое в чем напоминает мне... не в деталях, а так... в обилии веселеньких иллюстраций на тему «Общество и личность», хе-хе-хе-хе... Вы вот, в частности, участвовали в Сопротивлении – верно? А потом у благодарной Четвертой республики не нашлось для вас нескольких тысяч обесцененных франков на стипендию...

– Как видите, обошелся! – огрызнулся Жерар.

– Это делает честь вашей настойчивости, но не меняет факта.

– Будь я проклят, если это имеет отношение к нашему разговору. Куда вы заехали, черт вас побери? При чем тут мои взаимоотношения с Четвертой республикой?

– Поставим знак равенства между Францией и человеческим обществом вообще. Так будет понятнее?

Брэдли встал и принялся с виртуозной ловкостью трясти шейкер. Поднялся и Жерар.

– Вот как? – насмешливо спросил он. – Можно продолжить вашу мысль? Значит, если общество меня не оценило или в чем-то меня обидело, я должен начать мстить этому обществу, переключившись на порнографию? Так?

Раздраженно фыркнув, он прошелся по комнате, сунув кулаки в и без того уже оттянутые карманы потрепанного спортивного пиджака.

– Дешевая логика! – крикнул он, резко остановившись. – И вообще я повторяю, что не нахожу нужным продолжать этот разговор.

– Послушайте, да чего вы кипятитесь, в самом деле, – добродушно отозвался Брэдли, кончив сбивать коктейль и осторожно ставя шейкер на столик. – Можно подумать, что я вас насилюю... Не хотите – не надо, мне-то что. «Мечь обществу», «порнография»... До чего вы, французы, любите громкие слова! Кто вам говорит о том, чтобы вы мстили обществу? Я просто из чистого желания помочь советую вам – поменьше думать об этом самом обществе и побольше о себе. Вот и все. А вы уже чуть ли не в анархисты меня производите, будь я негр. Ведь вы не можете закрывать глаза на простой факт: вы-то понимаете свое искусство как одну из форм служения обществу, а само общество вовсе не желает, чтобы вы ему служили. Есть возражения? Не думаю. Сколько ваших картин получило признание общества, публики? Ну? Молчите? То-то, Бусс. В вашем возрасте не стоит превращаться в циника, но пора бы приобрести трезвый взгляд на вещи. Вы работаете уже около десяти лет, и хорошо работаете, и никому нет дела до ваших работ. Ваши картины никому не нужны, Бусс, поймите это! Продолжая работать в своем жанре, вы обречены оставаться вечным неудачником. Это так же верно, как то, что меня зовут Аллан Райбэрн Брэдли. Вы даже жениться не сможете, потому что семью вам не на что будет прокормить. Кстати, у вас во Франции была девушка. Вы с ней порвали? Почему?

Жерар быстрым движением опустил стакан на столик, расплескав коктейль.

– Что же вы молчите? – продолжал Брэдли. – Поверьте, я спрашиваю не из пустого любопытства.

– Подите вы к черту, – сдавленным голосом произнес Жерар. – Подите вы к черту со своими вопросами, понятно?

Он отошел к окну. Брэдли покосился на его сутулую спину и покачал головой.

– Беда с вами, Бусс, – вздохнул он, разминая в пальцах сигарету. – Кстати, мы сейчас в одинаковых ролях: я так же навязываюсь вам со своей помощью, как вы – обществу со своим служением. И вы отталкиваете меня так же, как общество – вас...

Жерар не слушал. Тупая боль сжала его сердце. Дело даже не в напоминании о самой Дезире, – в конце концов, она оказалась далеко не тем, что он думал... Хотя как знать, в других условиях и Дезире могла бы быть другой. Но вообще дело не в ней. Дело сейчас совсем не в ней.

Через авеню Санта-Фе наискось, на крыше многоэтажного дома, крутится огромная зеленая автопокрышка, и под нею каждые пять секунд оранжевым пламенем вспыхивает выписанное стилизованным готическим курсивом слово «Файрстон». Черт возьми, в Буэнос-Айресе не осталось, кажется, ни одного уголка, где бы не мозолила глаза эта марка. «Лучшие покрышки называются Файрстон», «Только Файрстон для вашего автомобиля», «Файрстон экономит для вас на каждом километре пути», «Ваше свадебное путешествие окажется еще более приятным с покрышками Файрстон»...

Во Франции покрышек Файрстон он не видел, там был Мишлен – потешный, составленный из надутых резиновых камер человечек в автомобильных очках, похожий на распухшего водолаза в скафандре. Дезире очень любила этого толстяка Мишлена, она объявила его божком – покровителем их любви – наверное, потому, что они большую часть времени проводили в дороге и на крыше каждой заправочной станции их встречал именно он, этот «*petit bonhomme de caoutchouc*»², как она его называла. Нет, ты не имеешь права обвинять в чем-то Дезире. Она была хорошей девушкой и могла бы стать хорошей женой – подругой на всю жизнь. Виноват ты сам. И даже не ты, а обстоятельства. Но дело все-таки не в Дезире. Дело в том, что тебе

² Каучуковый человечек (фр.).

нечего возразить этому американцу, совершенно нечего. Кому ты нужен со своим служением? Плевать они на тебя хотели – на тебя, на твои идеалы и на твоё искусство...

– Вы не слушаете, Бусс? Положим, я и сам не знаю, зачем продолжаю этот разговор. Наверное, потому, что мне слишком понятно ваше теперешнее состояние...

Жерар вернулся, сел в кресло и не отрываясь осушил свой стакан. Потом достал из кармана кисет и стал медленно уминать в трубке табак, неподвижным взглядом уставившись куда-то мимо сидящего напротив Брэдли.

– Я ведь и сам был в своё время иным, – задумчиво продолжал тот, вертя в пальцах зажигалку. – Вы думаете, я всегда был таким? Ошибаетесь, Бусс, я таким не родился. Просто у меня рано раскрылись глаза, вот в чём дело...

Он замолчал, перебрасывая блестящую вещицу с ладони на ладонь. Где-то далеко – очевидно, за стеной, в соседней квартире – играло радио. Брэдли рассеянно прислушался и снова опустил голову.

– Я вот упомянул о вашей девушке и в связи с этим вспомнил одну историю. Мне тогда было лет двадцать, я работал клерком в Питсбурге – зарабатывал ровно столько, чтобы заплатить квартирной хозяйке, три раза в день пожрать и раз в неделю сходить в кино, разумеется в одиночку. На прачку уже не хватало, и я свои воротнички стирал сам, ночью, – а каждый день полагалось быть в свежем. Да, так там была одна девочка – дочь моего босса, иногда заезжала в офис... Красивая такая, тоненькая. Ну, я, конечно, смотрел на неё как на ангела небесного, – может, это и было то, что называется «настоящая любовь», не знаю, я с тех пор ничего подобного больше не чувствовал. Разумеется, ни на что я не надеялся – за душой не было ни цента, а на внешность мою рассчитывать не приходилось... Меня сейчас жабой называют, а тогда просто был головастиком, поганым таким, хилым. Да, так вот...

Брэдли криво усмехнулся и закурил, затянувшись несколько раз подряд. Жерар слушал с угрюмым вниманием.

– В один прекрасный день слышу – мисс выходит замуж. На свадьбу меня, понятно, не позвали, но я так пошел – со стороны поглядеть, когда будут выходить из церкви. Любопытно мне было жениха увидеть – просто не мог представить себе человека, оказавшегося достойным её. Разве что, думаю, архангел Гавриил или Родольфо Валентино... Да... А оказался он совсем стариком – почти лысый, видно, что только впрыскиваниями и держится, и еще на физиономии экзема какая-то, даже сквозь пудру заметно. Вот вам и архангел Гавриил. А все дело в том, что этот старик был вице-президентом «Юнайтед металлурджик» и стоил не один миллион...

За стеной едва слышно играет радио, за окнами полыхает разноцветное зарево рекламного электричества, в стакане покачивается обтаявший кубик льда. «Все к лучшему в лучшем из миров...» В удобном, благоустроенном, довольном собою мире с бесшумными скоростными лифтами и кондиционированным воздухом, с кожаными королями и вице-президентами металлургических компаний. Жаль, что нельзя кондиционировать собственную душу, привить ей бесстрастное спокойствие ничему не удивляющегося автомата. Где-то сейчас Дезире – девушка, которая могла быть женой, другом на всю жизнь...

– Да, Бусс... В тот вечер, пожалуй, и снизошла на меня благодать. Тогда-то я и понял цену всем этим разговорам насчет общества, моральных устоев, «честной бедности» и всяких таких штук. Ну а уж с тех пор я такого насмотрелся... – Брэдли безнадежно махнул рукой и раздавил в пепельнице окурочек. – Я по своим делам чуть ли не весь свет изъездил. Только вот за железным занавесом не был, не случилось... А наш «свободный мир» знаю, как изнанку своего собственного кармана. Поэтому-то я и не могу слушать равнодушно ваши разговоры о служении обществу. Нашли чему служить! Да по мне, провались оно в преисподнюю, это общество, – такое, каким я его знаю. Я свои деньги сделал методами, за которые полагается тюрьма... Видите, я с вами откровенен... А другие? Вы думаете, другие лучше? Вы знаете, как начинал тот же Руффо? Это любопытная история, вот послушайте. Тут есть такая болезнь

скота, страшно заразная, называется «афтоза». Животных, павших от афтозы, полагается закапывать в негашеную известь – это закон. Так вот, в конце двадцатых годов здесь была эпидемия – страшный падеж, чуть ли не треть поголовья погибла от афтозы. Дон Ансельмо Руффо – тогда еще никто о нем ничего не знал, у него была паршивенькая кожевенная фабричка в Саранди, – он придумал такую штуку: звонил скотоводам и предлагал свои услуги по уборке падали. Ну, те рады, понятно, – брал он за это недорого, а кому охота возиться с таким делом – рыть ямы, доставать известь... А скот падал сотнями, я говорю. Словом, работа закипела: пеоны Руффо ездили по эстансиям и забирали дохлых коров, потом их где-то закапывали в негашеную известь, как полагается, все по закону, – но уже ободранных, понимаете? А шкуры отсылались в Саранди. Ловко? Пронюхал об этом какой-то инспектор из Министерства агрикультуры – Руффо ему взятку. Пронюхали в самом министерстве – Руффо еще несколько взятков! И все остались довольны. Другие кожевенные предприятия прогорали одно за другим, потому что честно ввозили здоровые шкуры из-за границы, а Руффо скупал заводы и дубил свою падалю. Сейчас он, понятно, падалю больше не интересуется, сейчас он всеми уважаемый промышленник, олицетворение коммерческой честности. Подите загляните в его офис! Настоящее министерство, будь я негр. Из одних стенографисток можно сформировать целую труппу для мюзик-холла – девочки как на подбор. Вот вам то самое общество, которому вы так честно пытаетесь служить.

От долгой тирады у него пересохло в горле, он потянулся к своему стакану, увидел, что в нем пусто, и налил из шейкера Жерару и себе. Тот сидел в низком кресле, обхватив руками торчащие колени, и с угрюмым выражением сосал давно погасшую трубку.

– Все это не то, Брэдли, – пробормотал он сквозь зубы, – я хоть и моложе вас, но тоже достаточно хорошо успел изучить «свободный мир», так что никаких америк вы мне не открываете. Но тот факт – пускай неоспоримый, – что наше общество протухло сверху донизу, еще не является для меня достаточно веским основанием, чтобы делать то, что вы предлагаете. Тут нужно пытаться спасти то, что еще осталось, – какие-то ценности высшего порядка, вы понимаете, – а не самому превращаться в носителя заразы.

– Опять громкие слова! О какой заразе вы говорите? Что я вам предлагаю – подсовывать порнографические открытки школьникам, что ли? Кого-то развращать? Руффо был законченным развратником уже в то время, когда вы бегали в коротких штанах. Что он, превратится в девственницу оттого, что вы сделаете красивый жест и откажетесь от его предложения? Или общество от этого станет лучше? Не будьте же ослом, Бусс! Он найдет себе более покладистого художника и все равно получит свое. А вы потеряете возможность, которая представляется не каждый день, – возможность заработать за несколько месяцев полмиллиона песо и потом жить и работать, ни от кого не завися. Подумайте о перспективах, которые это перед вами открывает. Цель вашей работы, обобщенно говоря, привить публике вкус к той живописи, которую вы считаете хорошей и здоровой. Так неужели вы до сих пор не поняли, что в наши дни вкусы диктует тот, у кого деньги? Вашими картинами сейчас не интересуются вовсе не потому, что они плохи, а потому, что о вас не пишут в газетах. Поймите это, Бусс. Будь у вас деньги, будь у вас возможность снять лучший зал в городе и заплатить газетчикам за хорошее «паблисити» – на ваших вернисажах будут толпиться сливки общества. Вот тогда и начинайте прививать публике свой вкус! А благородные нищие и непонятые гении никого не интересуют – не то время. Мы живем в двадцатом столетии, пора бы это понять... Чего же вы молчите, Бусс? Если есть возражения – выкладывайте!

Жерар молчал. Что можно возразить? В самом деле, что можно на это возразить? Радио в соседней квартире играло теперь знакомый мотив – модную в свое время румбу «Сибонэй», которую он однажды танцевал с Дезире в маленьком монпарнасском ресторанчике. Это было очень давно, – теперь он потерял Дезире, потерял родину, растерял друзей. Всех этих жизнерадостных ребят, его однокашников по высшей художественной школе, в свое время вместе с

ним поклявшихся до смерти бороться за обновление французской живописи. Нечего сказать, обновили...

Он вернулся на место и допил свой коктейль.

– Похоже, что вы кое в чем и правы, – сказал он с кривой усмешкой. Голос его дрогнул. – Я сейчас пока ничего не знаю, еще подумаю... Но вы дайте мне телефон этого типа. Если решу взяться за это дело – я ему позвоню.

– Правильно, вы подумайте, – кивнул Брэдли. – Торопитесь с этим некуда, а дело серьезное. Я уже сказал вам, что прекрасно понимаю, насколько неприятным должно быть для вас такое предложение...

3

27 декабря. Уже неделя, как я живу в квартире Брэдли. Через три дня после нашего разговора вдруг является посыльный с ключом и запиской: оказывается, толстяку срочно пришлось вылететь в Штаты месяца на три и он предлагает мне воспользоваться на этот срок его апартаментами. Пожалуй, не стоило этого делать, но хозяйка моя слишком уж ведьма, а искать где-то новую комнату нет ни энергии, ни денег. Да и, откровенно говоря, захотелось наконец пожить в человеческой обстановке. В конце концов, квартира все равно пустовала бы. Брэдли уплатил за нее за полгода вперед, так что в этом смысле мне нечего беспокоиться. Одним словом, сейчас я живу в роскошной квартире, в самом фешенебельном районе столицы, а обедать езжу в порт, в самую дешевую харчевню – «Трес маринерос». Без драки там не проходит ни одного дня, но зато за песо можно получить полную тарелку жратвы и стакан красного. От Изольдиных двух тысяч почти ничего не осталось, я и сам не знаю, куда они делись. Купил себе туфли, роздал долги, заплатил хозяйке, а на сорочки уже не хватило. Немного отложил на еду и табак, вот и все. Впрочем, все это чушь. Вчера я сделал последнюю попытку – как бы это покрасивее выразиться? – остаться честным человеком и сохранить незапятнанными мои высокие моральные принципы. Увидел в газете объявление: требуются рабочие всех специальностей на строительство текстильной фабрики. Поехал туда. Это за городом, но не так уж далеко. Оказалось, что ездить не стоило. Рабочие им действительно требуются, но в отделе персонала меня спросили специальность и, когда я назвался землекопом, попросили показать руки. После чего служащий пожал плечами и посоветовал бросить тотализатор, «пока не поздно». Принял меня за проигравшегося на скачках – здесь такие не редкость. Уже на обратном пути я сообразил, что мог бы попросить место шофера. Впрочем, у меня ведь нет профессиональных прав.

На всякий случай побывал в консульстве. Туда иногда обращаются, если нужен учитель французского или коммерческий переводчик. Сейчас ничего нет. Секретарь посоветовал возвращаться во Францию, а относительно денег на проезд обратиться с просьбой в «Клуб французских резидентов». Пошел он с такими советами! Еще унижаться перед всякими дамами-патронессами, только этого не хватало.

Да и что мне даст теперь Франция? Возможность поступить в Иностраннный легион и подохнуть от пули какого-нибудь алжирца или аннамита? Тогда уж лучше подохнуть здесь, это, по крайней мере, честнее (несколько слов зачеркнуто)... страшная злоба на все это проклятое общество, а иногда просто страх.

Такой припадок страха был сегодня ночью – когда я понял, что прочно и окончательно залез в мышеловку и теперь мне отсюда не выбраться. Панический страх. Почти такой же, как тогда, в сорок четвертом, когда подрывали эшелон из Клермон-Феррана, а англичан черт принес с их самолетами. С бошами мы справились, а под бомбежку угодили. Меня завалило обломками водокачки, и когда я очнулся и почувствовал себя заживо погребенным – вот там я узнал, что такое страх! Я просто не мог вынуть пистолет – иначе хлопнул бы себя в ту же

секунду. Вот так и теперь. Хотя если подумать, то хуже. Тогда, по крайней мере, было за что умирать, а сейчас тебя завалило – и не знаешь за что, почему, ради чего. Сплошной бордель.

31 декабря. Ну вот и Новый год, тысяча девятьсот пятьдесят третий от Рождества Христова. В Париже он уже наступил, здесь наступит через два часа – сейчас его встречают на судах посредине Атлантики. Термометр снаружи показывает плюс 34 по Цельсию. Как ни странно, к этому привыкнуть труднее всего – к новогодней жаре. Хорошо еще, что в квартире воздух искусственно охлаждается.

За окном – дождь бенгальского огня, взвиваются разноцветные ракеты, медленно улетают маленькие бумажные монгольфьеры, освещенные изнутри стеариновой плошкой. Бурный темперамент не позволяет аргентинцам дожидаться полуночи – празднование Нового года здесь всегда начинается заранее, чуть ли не с заката солнца. Сегодня я истратил последние пиастры – купил куклу дочери консьержа Аните, а для себя бутылку хорошего бордоского. В двенадцать включу радио, настроюсь на Франс-П и буду слушать и пить за собственные успехи.

Да, вчера звонили из консульства – заходил какой-то тип, спрашивал обо мне, похоже, что хочет купить «Отъезд из Вокулёра». Я ответил, что эта вещь не продается. Секретарь про бурчал что-то насчет того, что я, мол, живу в квартире с телефоном и отказываюсь продавать картины, а прикидываюсь безработным. Я не дослушал и повесил трубку. Потом меня подмывало позвонить ему и пригласить на коктейль-парти. Если бы он увидел квартиру – совсем бы рехнулся. А по сути дела, «Отъезд» следовало продать. Какие уж тут красивые жесты, когда жрать нечего! Но все равно Жаннету я не продам. Слишком к ней привык. Тем более что лишняя тысяча пиастров ничего не изменит, а только оттянет развязку.

8 января. Потешная история. Уже четыре дня промышляю в «Трес маринерос» карандашными экспресс-портретами – увековечиваю посетителей. Желающих много, хорошо платят. Впрочем, теперь эти глаголы следует переставить в «пассэ дефини»: промышлял, увековечивал, платили. Напротив харчевни расположена минутная фотография – я этого просто не учел. Сегодня, когда я как раз был в ударе и увековечивал одного парня с финского лесовоза, зашел фотограф – повертелся, заглянул через мое плечо. А под вечер, когда я в радужном расположении духа шел отдыхать после трудов праведных, со мной поравнялась какая-то мрачная личность и таким же мрачным тоном посоветовала отдать швартовы и переменить якорную стоянку. Он даже не уточнил, что меня ожидает в случае слушания. Это, как говорится, было понятно без слов. Стоянку я пообещал переменить, потом личность попросила у меня два пиастра на кружку пива, и мы расстались по-джентльменски.

23 января. Звонил в консульство – спросил, не оставил ли адреса тот тип, что интересовался «Отъездом». Мне с ледяной любезностью ответили, что нет, к сожалению. Нет так нет. Вчера был по объявлению в рекламном агентстве «Орбе публисидад», им там требуется художник. Роскошная обстановка – стекло, нержавеющей сталь, мебель какого-то марсианского стиля, похоже на реквизит из фильма «Год 2000». Очень милая сеньорита из породы синтетических блондинок, типичная голливудская гёрл. Встретила меня так любезно, что я уже счел себя принятым, – усадила в марсианское кресло, сама села напротив, предложила английскую сигарету. Узнав, что я француз, рассыпалась в похвалах Парижу, где проводила отпуск в прошлом году. Отдав дань светской болтовне, я поинтересовался – что, собственно, требуется от меня для того, чтобы осчастливить «Орбе» своим сотрудничеством. Оказалось, что потребуется совсем немного: справка о политической благонадежности (зачем, черт побери?) и несколько работ – с указанием, где, кем и когда были опубликованы. «Пусть мсье представит это господину директору, и в течение недели господин директор даст мсье ответ. О, мсье не пожалеет, если решит работать для нашего агентства, – с лучезарной улыбкой заверила сеньорита. – „Орбе публисидад“ на хорошем счету, за один сегодняшний день к нам поступило шесть

кандидатур...» Я небрежным тоном ответил, что пока не вижу за «Орбе» никаких преимуществ перед известными мне европейскими агентствами – за исключением подбора сотрудниц, делающего честь вкусу господина директора, – и что вообще я еще подумаю... Словом, отступление было проведено с достоинством. Не мог же, в самом деле, я ей признаться, что никогда в жизни не занимался рекламной графикой!

Каждый вечер сажусь к телефону и обзваниваю все одиннадцать магазинов, куда рассовал на комиссию свои холсты (все, кроме «Отъезда»; Жаннету, что бы ни было, продавать не хочу). Никто ничего не покупает. Просто проклятье какое-то!

30 января. Дальше так продолжаться не может. Сегодня пригрозили выключить свет, если не уплачу по счету в течение недели. (Квартира, как мне говорил Брэдли, оплачена за полгода вперед, но за телефон, воду и электричество приходится платить мне.) Шестьдесят пять пиастров – откуда я их, к дьяволу, возьму? Я понимаю возмущение инкассатора, который приходит ко мне уже третий раз, – еще бы, жить в такой квартире и отказываться уплатить за свет. Поди объясни ему, что я вчера не жрал!

Впрочем, все это ерунда. Дело не в электричестве. Дело в том, что я месяц назад дал себе слово – в течение января решить, как быть дальше. Браться за «это дело» или не браться. Сегодня я понял, что все это время я вовсе не пытался найти решение, а просто трусил, играл в жмурки с собственной совестью, боялся признаться самому себе в уже свершившемся факте. Все было решено в тот вечер, когда я не дал Брэдли по физиономии и не ушел. Что уж теперь говорить красивые слова! Если я все же не позволю этому Руффо, это будет лишь акт трусости, продиктованный боязнью последствий, а вовсе не доказательство моей стойкости. Ее уже нет – после того вечера. Не вижу принципиальной разницы между преступником, уже совершившим преступление, и человеком, в душе согласным на преступление, но боящимся его совершить. Может быть, преступник явный честнее преступника потенциального. Но и опять – и это самое страшное – я все же не уверен, действительно ли является преступлением то, что я собираюсь сделать. То, к чему я вынужден обстоятельствами. Цель оправдывает средства? Никогда не мог согласиться с такой постановкой вопроса – и к чему я пришел? Художник, работающий для самого себя, – живой труп. Он бесполезен так же, как бесполезна крутящаяся вхолостую динамо-машина, отключенная от линии. Если я пишу картины, которые ни на кого не воздействуют, – зачем их писать? Но у меня есть возможность добиться такого положения, при котором они будут воздействовать на многих, при котором мой талант не окажется бесплодным. Для этого нужно пройти через грязь, пожертвовать своей моральной чистоплотностью. Б., несомненно, прав в том, что только деньги могут дать человеку возможность играть какую-то роль в нашем обществе. Если я считаю, что моя роль будет полезной, то не все ли равно, какими путями я к ней приду? Верно и то, что я, согласившись на предложение Р., не нанес бы этим никакого ущерба обществу. Следовательно, единственный ущерб будет при этом нанесен мне – моей собственной морали, моему чувству собственного достоинства. Черт, как это все сложно! Тут недолго додуматься и до того, что я, согласившись проституировать свой талант, превращаюсь чуть ли не в героя, жертвующего собой ради общества. Я, кажется, окончательно во всем этом запутался. Нужно рассмотреть это дело спокойно и беспристрастно, бухгалтерски. Что я выигрываю и что теряю в одном случае и что – в другом. Впрочем, что там рассматривать, у меня ведь все равно нет никакого выхода.

1 февраля. Завтра позвоню Р. В общем, посмотрим, что он мне закажет. Если слишком уж мерзкое что-нибудь – откажусь, пусть ищет другого. А может быть, и не откажусь, не знаю. Я сейчас вообще ничего не знаю. Знаю только, что влип так, как не влипал никогда в жизни. Похуже, чем тогда, под водокачкой.

5 февраля. Замечательная погода – только что прошел дождь, и город весь чистенький, как лакированный. На улице, очевидно, душно, – здесь всегда душно после летнего дождя. А со стороны смотреть – красиво. Сейчас я звонил Р. Интересное дело – обычно с этими важными господами созвониться не так просто, а тут можно подумать, что сам дьявол сидел за коммутатором: сразу же соединили. Голос у старика малоприятный – пискливый какой-то, резкий. Я сказал, что звоню от имени мистера Брэдли по вопросу картин. Старик обрадовался и заявил, что завтра – в воскресенье – ждет меня в своем загородном доме. Спросил, в котором часу прислать машину. Я сказал, что буду дома весь день, пусть присылает когда угодно. Вот так.

7 февраля. Ну что ж, рассказать о поездке в Каноссу? Мой новый повелитель принял меня исключительно любезно, долго показывал свою галерею, накормил лукулловым обедом. В живописи он не понимает ни шиша – это я понял с первого же взгляда на ту мазню, которой он обвесил все стены. Б. был прав: сюжеты все один к одному. Впрочем, ничего настоящего гнусного, просто голые бабы во всех видах. После обеда, за кофе, старик осторожно перешел к делу. Не знаю ли, мол, я, где можно достать несколько хороших картин на такие, знаете ли, темы... поигривее, м-да... ну и чтобы было натурально, «вы понимаете, не правда ли?». Если бы он нашел художника, который согласился бы взяться за такую работу, он, дескать, не постоял бы за ценой. «Ну, скажем... тысяч по десять – это ведь хорошая цена, не правда ли?» (Проклятый торгаш, Аллану говорил – от пятнадцати до двадцати, а здесь выколачивает подешевле.) Ну а темы – это он полностью оставляет на усмотрение художника. «Для начала, скажем, какую-нибудь там вакханочку, что ли, но поигривее, поигривее». У него гнусная манера хихикать. Старый сатир, сукин сын. Я, не вынимая изо рта трубки, с великолепным спокойствием заявил: «Двадцать пять тысяч, и через три недели вы будете иметь свою вакханку». Проклятый сатир заерзал, как грешник на сковородке. Откуда у него такие деньги, помилуйте! Дела последнее время идут как нельзя хуже, с кожевным бизнесом сейчас вообще беда – всюду, знаете ли, эти заменители, синтетика... Я ответил, что меня мало интересует состояние его бизнеса; если сеньор не согласен заплатить мне двадцать пять тысяч, из которых пять – сейчас, в качестве гарантийного аванса, то пусть вооружается кистью и пишет свою вакханочку сам. Он прямо захныкал: «Но ведь я думаю заказать вам несколько картин, не одну, а вы же знаете – оптовые цены всегда ниже розничных, это закон коммерции!» Но я, черт побери, держался, как гвардия под Ватерлоо. Сказал, что законы коммерции меня интересуют еще меньше и что оптом дешевле обходятся разве что дохлые коровы, но никак не вакханки. И повторил требование насчет аванса – почему знать, что он через неделю не передумает? Словом, кончилось тем, что сатир извлек чековую книжку и выписал 5000.

Теперь вот сижу и не знаю, как быть. Дело в том, что я очень мало имел дела с обнаженной натурой. Без натурщицы не обойтись, но не хотелось бы привлекать к этому еще кого-то. А придется, никуда не денешься! Надо будет забежать в «Аполо» – там всегда полно нашего брата, кого-нибудь посоветуют.

Руффо со мной договорился, что приедет дней через десять – посмотреть, как идет работа. Пусть приезжает, черт с ним. Надеюсь, что основное будет к тому времени уже готово, хотя бы вчерне. Над композицией раздумывать особенно не приходится, а пишу я быстро.

9 февраля. Сейчас была натурщица. Только собирался пойти пообедать, вдруг звонок. Открываю – влетает этакая райская птичка в ренуаровских тонах: темно-рыжие волосы, персиковый загар, глаза прямо фиолетовые. «Здрассте, – говорит, – я от Пузана, очень приятно познакомиться». Я совершенно обалдел. «От какого еще Пузана, – говорю, – вы, наверное, ошиблись, сеньорита». А она: «Ну как же, – говорит, – Пузан Ремихио, не знаете, что ли, бармен в „Аполо“, он дал мне ваш адрес – вы ведь ищите натурщицу?» Я только и нашелся, что пробормотать, что да, действительно, натурщицу-то я ищу, но мне бы что-нибудь попроще...

Птичка рассмеялась и протянула руку, отрекомендовавшись сеньоритой Элен Монтеро, а для друзей – просто Беба. Боюсь, их у нее слишком много, этих друзей. Войдя в комнату, она огляделась, тараща свои пармские фиалки, и объявила, что ей у меня нравится. Очень. Меня это, разумеется, страшно обрадовало. Потом она порылась в сумочке и запихнула себе в рот какую-то огромную конфету, причем попутно попыталась угостить и меня. Отказался с ледяной вежливостью. «Не успела позавтракать, понимаете, – объясняет она с набитым ртом, – а позировать вам я согласна». – «Мадемуазель, – говорю, – прошу учесть, что я пишу обнаженную натуру». – «Ну и что, – говорит, – это право артиста – выбирать, с какой натурой работать, только ню дороже обходится – по полсотни национальных». – «Что, за сеанс?» – «А вы думали, в месяц?» Цена, конечно, непомерная – это был отличный предлог мирно расстаться, но я упустил момент и сдуру сказал, что если хочет, то пусть приходит завтра с утра. Она жизнерадостно заявляет: «Еще бы я не хотела!» – и спрашивает, устраивает ли меня ее фигура и не желаю ли я взглянуть на ее фото в купальном костюме – снято неделю назад, на побережье. Я говорю, что фигура вполне устраивает, а фото меня не интересует и вообще я сейчас занят. «Ладно, завтра увидите оригинал. До свиданья, дон Херардо, очень рада с вами познакомиться, до завтра». Только я ее выпроводил – опять звонок, опять она. «Простите, – говорит, – я вас надула – мне платят гораздо меньше». При этом в глазах искреннее раскаянье. Я ей ответил, что не догадаться об этом мог бы только кретин, но что в награду за ее честность договор остается в силе. Просияла и ушла. Ну и ну!

4

– Вы, пожалуйста, на меня не кричите! Если вам так хочется иногда покричать, то заведите себе жену и кричите на здоровье!

– А вы, черт бы вас драл, придержите ваш язык и ваши советы и учитесь позировать, если уж беретесь за это дело! Какого дьявола вы крутитесь? Вы что, сами не видите, что здесь мало света? Как я могу работать, если вы все время оказываетесь в тени?

Жерар подобрал кисть, которую за минуту до этого в ярости швырнул на пол, и снова принялся за работу, бросая быстрые взгляды на сеньориту Монтеро.

– Думать нужно, вот что, – ворчливо сказал он, уже остыв. – Другие в вашем возрасте умеют это делать...

– Другие в вашем возрасте умеют схватывать оттенки на лету, – язвительно заявила обиженная сеньорита. – И вообще я устала!

– А я вот не схватываю, понятно? Никто не держит вас здесь на привязи... Устали, говорите? Ничего, сейчас кончаем. Никто вас не держит... Можете искать себе другого мастера. Минутку...

Он встал и отошел от мольберта, приглядываясь к холсту.

– Ладно... Вот здесь еще немного... Впрочем, вы что, устали? Ладно, черт с ним, доделаем завтра. Можете одеваться.

– Наконец-то! У вас есть кофе?

– Есть, сейчас поставлю. – Собирая кисти, Жерар стал весело насвистывать. – А на крики не обижайтесь, я всегда нервничаю, когда работаю. Считайте, что я погорячился, и примите мои извинения. Идет?

Не дожидаясь ответа, он вышел из ателье, на ходу снимая испачканную красками блузу.

– Заварите покрепче! – крикнула вдогонку сеньорита Монтеро.

Спустя полчаса они мирно сидели за столом, словно во время сеанса не было никаких недоразумений. Сеньорита Монтеро оживленно рассказывала о вчерашнем посещении Театра комедии, Жерар слушал краем уха и пил кофе, рассеянно поглядывая на свои руки – кожа на пальцах шелушилась от частого употребления растворителя.

– Вам нужно купить крем для смягчения кожи, – заметила сеньорита Монтеро, – иначе у вас будут не руки, а петушиные лапы.

– Ладно, Элен, проживем и с петушиными. Хотите еще кофе?

– Нет, спасибо, я сейчас пойду куда-нибудь закусить. Почему вы не хотите попробовать «Понд С»? Он хорошо смягчает.

– Неохота возиться. Выйдем вместе? Я тоже проголодался.

– Хорошо. Дон Херардо, я хотела вас спросить...

– Перестаньте называть меня доном, сколько раз повторять! В чем дело?

Девушка замялась. Жерар допил свой кофе и отставил чашечку.

– Насчет денег?

– Да... То есть... как вы думаете, Херардо, мы с вами сработаемся?

– Боюсь, что да. Хотите вперед?

– Видите ли, мне сейчас нужно очень много денег, и я думала, если мне предстоит работать у вас еще некоторое время, как вы говорили, может быть, вы смогли бы заплатить мне вперед? Я не сбегу, слово чести!

Жерар улыбнулся:

– От меня не сбежите, даже если бы захотели. Зачем вам столько денег, если не секрет?

– Нет, почему же, просто мне... Я хочу купить шубку, а у меня не хватает.

– Вы окончательно спятили, Элен. Шубку – в феврале?

– Сами вы спятили! Когда же мне ее покупать – зимой, что ли? Тогда они будут стоить в полтора раза дороже. А сейчас «Харродс» объявил карнавальную распродажу... – Она мечтательно прищурила фиолетовые глаза.

– Теперь понял, – сказал Жерар. – Сколько вам не хватает?

– Много, – вздохнула сеньорита Монтеро, – ровно две тысячи. Вы не думайте, – испуганно спохватилась она, – на такую сумму я не рассчитываю. Просто если бы вы смогли одолжить мне половину...

– Я вам дам две тысячи, – сказал Жерар, – но с условием, что вы научитесь позировать спокойно и перестанете вертеть теми частями тела, которые меня в данный момент интересуют. Ясно?

Сеньорита Монтеро вспыхнула от радости:

– О Херардо, я буду позировать совсем спокойно, слово чести! Я эти деньги отработаю, не думайте.

Жерар подошел к письменному столу и достал четыре билета по пятьсот песо. В ящике лежало еще несколько смятых сотенных бумажек – все, что осталось от гарантийного аванса.

– Держите, Элен, вот ваши пиастры. Выбирайте шубку потеплее.

– Спасибо, Херардо, огромное спасибо, вы очень любезны!

– Ладно, на завтрашнем сеансе увидите, как я любезен. Попробуйте только шевельнуться.

С этого дня между нами устанавливаются рабовладельческие отношения. В случае чего буду раскладывать и лупить бамбуковой тростью по пяткам.

Сеньорита Монтеро весело рассмеялась:

– Пускай, зато у меня будет шубка!

– Мудрое рассуждение, Элен, – кивнул Жерар. – Вы готовы? Идемте.

Внизу, у выхода из лифта, к Жерару подошел портье.

– Вам письмо, сеньор Бусоньер, – поклонился он, по обыкновению исковеркав фамилию на местный лад, и протянул конверт. – Только что принес рассылный, я уже собирался подняться.

– Мне? – удивился Жерар. – Спасибо... Вот, возьмите.

– Благодарю вас, сеньор Бусоньер.

– От кого бы это? Прошу прощения, Элен...

Он вскрыл письмо:

– А-а, вот что. Я и забыл. Идемте?

– Что-нибудь важное? – поинтересовалась сеньорита Монтеро.

– Заказчик предупреждает, что завтра заедет взглянуть на ваши прелести. На холсте, Элен, только на холсте... Кстати, завтра по этому поводу сеанса не будет, можете отдыхать.

– Правда? – Сеньорита Монтеро обрадовалась, как школьница, получившая освобождение от уроков. – Вот хорошо, поеду с утра на пляж, на целый день.

– Стоящее дело, – одобрил Жерар. – Где вы думали перекусить?

– Вам нравится пицца? Если да, то здесь недалеко готовят очень вкусную, по-милански. Хотите попробовать?

– Это с маслинами? Конечно хочу, Элен, конечно.

Жерар был сегодня в отличном настроении. В работе над «Вакханкой» наступил какой-то перелом, и теперь он ясно видел, как под его руками даже этот пошлый сюжет превращается в произведение искусства. Сознать это было приятно. Приятно было чувствовать себя – за кои-то веки! – свободным от унижительного безденежья, от необходимости высчитывать каждый сантиметр. Приятно было идти по залитой солнцем шумной авеню Кальяо рядом с красивой, хорошо сложенной и элегантной девушкой, на которую оглядываются прохожие, – с этой райской птичкой, которая не умеет позировать. Приятно было и то, что он этой непоседливой птице доставил радость своим подарком, что он вообще может теперь доставлять кому-то радость.

В маленькой закускойной они сели за угловой столик, под вентилятором. Маленький шустрый итальянец принял заказ, для верности переспрашивая каждое слово и за каждым словом успокоительно повторяя с неаполитанской жестикуляцией: «Сомо по, signorina, сомо по, signor!» Через пять минут он бегом принес на деревянном кружке пиццу – большую толстую лепешку, залитую растопленным сыром и томатным соусом и сверху украшенную кусочками помидора, анчоусами и маслинами.

– Не забудьте пиво и кока-кола, – напомнил Жерар, – только похолоднее, пожалуйста.

– Сомо по, signor, сомо по, – закивал итальянец, молниеносно разрезая горячую пиццу на дольки.

– Нравится? – спросила сеньорита Монтеро, уписывая за обе щеки.

– Язык проглотишь. Ее что, полагается есть руками?

– Угу, так приятнее... Я, еще когда в колледже училась, обычно забегала сюда после уроков.

– Какой колледж вы окончили? – поинтересовался Жерар, наливая себе пива.

– А никакого. Пришлось бросить: не было денег.

– Печально. Кстати, Элен, сколько вам лет?

– Не очень-то приличный вопрос, но вообще мне двадцать. Вы что, не любите кока-кола?

– Нет. Скажите, а вам не хотелось бы получить образование?

Элен изумленно глянула на него поверх своего стакана:

– Образование? Чего ради, Херардо?

– Ну хотя бы ради того, чтобы приобрести специальность. Могли бы поступить куда-нибудь в бюро...

– И просиживать юбку за пятьсот билетов в месяц? – Сеньорита Монтеро сделала насмешливую гримаску. – Благодарю покорно!

Тон, каким это было сказано, заставил Жерара поморщиться.

– Предпочитаете, значит, работать вообще без юбки, – грубо сказал он. – Что ж, дело вкуса.

Сеньорита Монтеро быстро поставила на стол недопитый стакан; даже под косметикой было видно, как краска заливает ее лицо.

– При чем тут «вкус», каждый устраивается как может, – пробормотала она, не глядя на Жерара, и вдруг спросила с вызовом: – Вы думаете, мне самой очень это приятно? Конечно, вам легко судить – богатые всегда считают, что...

Голос ее прервался. Жерар тыльной стороной кисти – пальцы были в масле – примирительно погладил руку девушки.

– Вы меня не так поняли, Элен, – улыбнулся он, – я далек от мысли вас упрекать, просто мне стало вдруг обидно за вас. Я именно могу представить себе, как смотрят на вас те, другие, поэтому мне и стало за вас обидно. А насчет моего богатства я вам когда-нибудь расскажу поподробнее, если мы с вами останемся друзьями. Мы ведь ими останемся, верно?

Сеньорита Монтеро закивала головой.

– Ну вот и отлично. А теперь выпьем за нашу дружбу. Вы что пьете? Вермут? Мосо! – окликнул он пробежавшего мимо итальянца. – Два вермута, пожалуйста.

– Два? – переспросил тот, для пущей наглядности показав два пальца. – Сомо по, signor!

– Потешный парень, – улыбнулся Жерар. – Вообще у меня слабость к итальянцам – вот у кого учиться жизнерадостности! Правда, воевали они плохо. Приблизительно как мы в сороковом.

– Правильно делали, – сказала Беба, – если бы все плохо воевали, не было бы никаких войн. А что, Херардо, в Корее еще дерутся?

– Кажется, да. А вот и наш вермут. Ну, Беба, за дружбу?

– За дружбу. Пойдите, согните левый мизинец, вот так. У нас такой обычай.

Они выпили, зацепившись мизинцем за мизинец, – на вечную дружбу.

– Теперь мы друзья, – засмеялась Беба, – даже можем быть на «ты».

– В самом деле? Тем лучше, я этих церемоний не люблю. Эй, ты! – подмигнул Жерар, состроив хулиганскую рожу.

Беба опять заразительно засмеялась.

– Ну, будем доедать нашу пиццу, она уже совсем остыла.

– Я не хочу больше. Херардо, а что там, в этой Корее? Из-за чего они подрались?

– Понятия не имею, – пробормотал Жерар с набитым ртом. – Там вообще сам дьявол ничего не разберет... кто-то кого-то освобождает.

– В Линьерсе, где я живу, в прошлом году был митинг. Прошли слухи, будто наши хотят послать в Корею один батальон, так коммунисты устроили митинг. Такая драка была, полиция их разгоняла, прямо ужас. У нас там все стены исписаны: «Янки, вон из Кореи!»

– Значит, там тоже янки?

– Ты лучше скажи, где их нет!

Беба тщательно вытерла пальцы бумажной салфеткой и допила свой кока-кола.

– Мне янки не нравятся, – сказала она, сделав гримаску, – фильмы у них хорошие, особенно если про ковбоев, и музыка хорошая, а сами они противные. – Она взглянула на часы и ахнула: – Санта Мария, без десяти два! Херардо, я лечу. Так завтра не приходите?

– Завтра можешь позировать на пляже. Ну, счастливо.

– До послезавтра, Херардо. И еще раз спасибо за это! – Уже отойдя от столика, она показала Жерару сумочку и, сделав на прощанье ручкой, выбежала на улицу.

Жерар усмехнулся, вылил в стакан остаток пива из бутылки и стал медленно набивать трубку, щурясь на висящую напротив рекламу ликеров «Болс» – голландец в национальном костюме и ветряные мельницы. Следуя бессознательным путем ассоциаций, его мысли скользнули на голландскую живопись, на рубенсовских женщин, на старого греховодника Руффо, на «Вакханку». Что хорошо – то хорошо, это будет вещь. Он откинулся назад в затрепавшем плетеном кресле и сладко потянулся, сцепив пальцы на затылке, охваченный радостным ощущением творческой удачи и яростной жажды работать – работать без отдыха, до изнеможения.

* * *

В подъезде ему опять встретился портье.

– Еще раз здравствуйте, дон Хесус, – весело сказал Жерар и уже на полпути к лифту обернулся. – Кстати, как чувствует себя Анита? Надеюсь, лучше?

Портье бросил полировать суконкой и без того начищенную до золотого сияния львиную морду и печально взглянул на Жерара.

– Боюсь, что нет, – покачал он головой.

– В чем дело? – спросил тот, возвращаясь.

– Вчера был доктор, – медленно сказал портье со своим чуть шепелявым акцентом уроженца Галисии, – он сказал, что у нее слабые легкие, что ее нужно отправить в горы – есть такие детские колонии, в Кордове, – но это стоит денег. Я получаю четыреста песо, сеньор Бусоньер, жена зарабатывает не больше трехсот, мы не можем отправить Аниту в эту колонию... Но я думаю, он может ошибаться, этот доктор, у нас в семье не было никого со слабыми легкими...

– Надо полагать, в Испании другой воздух, дон Хесус.

– Но ведь доктора часто ошибаются? – с надеждой спросил портье.

– Безусловно. Безусловно. Вот что, дон Хесус, – Жерар решительно взял его за пуговицу, – вы не пробовали обратиться с этим делом в фонд социальной помощи?

– Когда же я мог обратиться, сеньор Бусоньер, я только вчера узнал. Моя двоюродная сестра писала в этот фонд бумагу, когда в прошлом году ее Пако упал с лесов и сломал себе ноги, а патрон отказал ему в пособии. Ей не отвечали семь месяцев, а потом ответили, что ничего не могут сделать. Зачем я буду туда писать? Я не перонист, не член партии. Жена Пако...

– Хорошо, вот что, – нетерпеливо кивнул Жерар, перехватывая другую пуговицу. – Прощение вы все-таки напишите – укажите, сколько нужно денег. У меня есть кое-какие связи, я вам это устрою. Безвозвратное пособие, так что платить вам ничего не придется. Принесите мне завтра, и самое большее через десять дней деньги у вас будут. Ясно? Только никуда не ходите, я сделаю это сам.

Оставив растерянного портье, Жерар быстро зашагал к лифту. У себя в ливинге он швырнул на диван пиджак, закурил и прошел в соседнюю комнату, служившую мастерской. С холста с еще не прописанным фоном, лукаво прикусив цветущую веточку, смотрела на него томными глазами «вакханка» – непоседливая райская птичка, сеньорита Элен Монтеро, Беба. Он долго разглядывал ее, насвистывая сквозь зубы. «Черт побери, да ведь она красавица», – подумалось ему вдруг почти с удивлением. А он и не замечал. Тут же эта мысль заслонила другая – рука! С левой рукой что-то не так, сколько ни бился. Ладно, это переделаем послезавтра, а пока можно поработать над антуражем...

Продолжая весело насвистывать, он натянул измазанную красками блузу и стал перебирать кисти.

Беба вернулась в Линьерс вечером, допоздна прошатавшись по магазинам. Ее сожительница по комнате и товарка по профессии была уже дома и, по обыкновению, читала, лежа в постели.

– Привет, – сказала она, отложив книгу в яркой глянцевой обложке. – Ну, что нового?

Беба сбросила туфли и с облегчением вздохнула:

– Страшно устала. Ты сегодня работала, Линда?

– Нет. Сказал – нет настроения. Целый день валяюсь...

– А что это у тебя?

– «Последний экспресс». Не читала?

Беба, уже начав стаскивать платье, высвободила голову и посмотрела на обложку:

– «Последний экспресс»? Нет, вроде не читала. Интересно?

– Оторваться нельзя, тут один слепой сыщик, понимаешь...

– Слепой? Почитаю... Ой, сейчас все лопнет... Как же это может быть, слепой – и сыщик?

Сегодня у меня опять пополз чулок. Видишь? Еще хорошо, что вверху, – не видно. Я просто похолодела, когда почувствовала.

Линда посмотрела и снова взялась за чтение.

– Дряннь этот нейлон, я тебе говорила – покупай другой номер. Насчет аванса не спрашивала?

– Спрашивала. Подожди, сейчас схожу под душ, потом все расскажу. Включи пока чайник – будем пить мате.

Беба надела старый купальный халатик, сунула ноги в шлепанцы и вышла из комнаты, размахивая полотенцем. В конце коридора, возле лестницы, уже сидел за колченогим столиком дон Пепе – старый неудачник и игрок на скачках. Его сожитель не переносил табачного дыма, а дон Пепе курил черный бразильский табак, поэтому он все вечера просиживал здесь, в коридоре, со спортивной газетой в руках и бутылкой дешевого красного вина на столе.

– Ола, дон Пепе, – приветливо бросила Беба, проходя мимо. – Опять мух травите?

– Что делать, – рассеянно отозвался тот, всецело поглощенный изучением таблицы заездов. – Что делать, девочка...

Когда Беба, выкупавшись, вернулась к себе, чайник уже кипел, стуча крышкой.

– Выключи, лентяйка, не слышишь? – крикнула она подруге, доставая из шкафа принадлежности для чаепития – сахарницу, жестяную коробку с парагвайским чаем и маленькую, в кулак величиной, выдолбленную сухую тыковку. Всыпав в тыковку ложку чая, похожего на искрошенные сухие листья, она положила туда же кусок сахара, долила кипятком и, помешав напиток витой серебряной трубочкой с фильтром на нижнем конце, протянула его Линде.

– Вот тебе и слепой, – задумчиво сказала та, отложив книжку и усевшись на кровати с поджатыми под себя ногами. – Если бы все были такими слепыми... – Она покачала головой и, взяв тыковку, приложилась к трубке. Потом отдала ее подруге. Беба с удовольствием втягивала терпкий, горьковатый напиток, пока тыковка не опустела. Потом снова долила ее кипятком.

Мате полагается пить молча. И они – горожанки, выросшие среди асфальта и железобетона и воспитанные на голливудских фильмах и детективных романах, – пили его в торжественном молчании, передавая друг другу выдолбленную тыковку и по очереди потягивая напиток через трубочку; сто лет назад их бородатые прадеды, перегонявшие гурты скота через бескрайние просторы пампы, так же молча передавали мате из рук в руки на вечерних привалах, сидя вокруг костра на брошенных на землю седлах, когда тихо звенит гитара и в огромном небе алмазами дрожит и переливается Южный Крест...

– Что же он тебе ответил насчет аванса? – спросила наконец Линда. – Отказал? Мой всегда отказывает.

– А мой – нет, – с торжеством в голосе ответила Беба. – Знаешь, что он сделал? Я рассчитывала самое большее на пятьсот, но в последний момент набралась храбрости и попросила тысячу, а он дал две.

– Seriously?

Линда опять улеглась и не глядя нашарила возле себя пачку сигарет и зажигалку. Закурила и Беба.

– Ну что ж, поздравляю, – продолжала та. – Но только смотри, мне такая щедрость кажется подозрительной.

– Ничего не подозрительная, мы просто договорились, по-деловому. Я сказала, что эти деньги отработаю. У него много заказов.

– Такие авансы обычно приходится отрабатывать в постели, моя дорогая. И ты это знаешь ничуть не хуже меня.

Линда взглянула на подругу и снова взялась за чтение.

– С тобой просто противно говорить, – после недолгого молчания сказала Беба. – На все ты смотришь как-то так...

– Как «так»? Я знаю жизнь немного побольше, чем ты. Вот и все. Да и ты ее знаешь, не прикидывайся.

– А я и не прикидываюсь... Просто я верю, что он порядочный человек, – упрямо повторила Беба, катая в ладонях пустую тыковку. – Вот! А это главное – когда веришь.

– Слушай! – сказала Линда, откладывая книгу. – Когда ты перестанешь быть душой, интересно знать? Затвердила как попугай: «верю», «верю»! Вспомни, что у тебя получилось с твоим Джонни Ферраро! Ты тогда тоже мне доказывала – «порядочный», «из хорошей семьи», «сын фабриканта». А ему только и нужно было с тобой переспать. А потом: «Adios muchachos!»³

– Не смей о нем упоминать – сейчас! – вспыхнула Беба, вскочив на ноги. – Как тебе не стыдно! У тебя нет ни капельки простого...

Ее прервал стук в дверь и голос хозяйки:

– Сеньорита Алонсо, к телефону!

– Иду, донья Мерседес! – громко ответила Линда, лениво вставая. – Дай-ка мне халат. И не вопи, я тебя просто предупреждаю. Понимаешь?

Через пять минут она вернулась и, торопливо стащив халатик, через комнату перебрала его подруге.

– Толстяк Эусебио достал кучу контрамарок на «Лили», на десятичасовой, – сообщила она, распахнув скрипучую дверцу шифоньера. – Кажется, там собралась вся наша банда. Идешь?

– Не хочу... – покачала Беба головой, смотря куда-то в окно.

– А я пойду. Дочиталась сегодня до одури... Ты почитай, не оторвешься.

– Ладно, – так же рассеянно кивнула Беба.

Линда оделась и ушла. Беба побродила по комнате, бесцельно трогая вещи, потом закурила и легла, выключив свет. Вспомнив о Джонни Ферраро, она поплакала – не так, как плакала год назад, а просто по привычке и от жалости к себе. Две выкуренные подряд сигареты оставили после себя горький привкус; она встала, почистила зубы и тщательно прополоскала рот. В коридоре дон Пепе оживленно обсуждал с кем-то шансы жеребца Патрисио, где-то через улицу Карлос Гардель рыдающим голосом пел одно из своих знаменитых танго, за стеной уныло и настойчиво тренькал неумелый гитарист. Беба ворочалась с боку на бок, пытаясь уснуть. Когда в час ночи вернулась Линда, она еще не спала. Та начала раздеваться в темноте, едва слышно мурлыкая такты какой-то незнакомой песенки.

– Можешь зажечь свет, я не сплю, – вздохнула Беба. – Хороший фильм?

– Хороший, советую посмотреть. Там эта Лесли Карон, француженка. А у меня новость – знаешь, кого я встретила? Своего бывшего патрона из «Teatro de Revistas», носатого Линареса. Когда мы прогорели, я слышала, будто кредиторы его засадили, – а сейчас снова выплыл. Такой шикарный, в английском костюме, на пальце вот такой бриллиант. Но самое главное, что он опять собирает труппу – готовит сейчас какое-то новое обозрение, и вроде у него уже наклеивается турне по перешейку. Коста-Рика, Гондурас, Никарагуа... если не врет. Так вот, он опять приглашает меня к себе. Что ты скажешь?

– По-моему, он жулик...

³ «Прощайте, ребята!» (*исп.*) – слова из популярного в Аргентине танго.

– Ясно, жулик, это я и без тебя знаю! Но импресарио он хороший, этого у него не отнимешь. Зарабатывает сам и дает заработать другим. Если предложит честный контракт, я, пожалуй, поеду. Надоело мне здесь до смерти, по крайней мере попутешествую...

– Пожалуй, – согласилась Беба. – Ты завтра не работаешь?

– С моим поработаешь, жди! – Закуривая, Линда дернула плечом. – День пишет, неделю думает... Психопат несчастный. С удовольствием бы его бросила – все-таки противно, когда тебя изображают в виде какой-то кучи треугольников. А тебе и в этом повезло, подумай.

– О да. Я у него на холсте получаюсь даже красивее, чем на самом деле. Поедем с утра в Оливос? Я тоже свободна, искупаемся, пожаримся на солнце.

– Если будет погода, можно съездить. А теперь давай спать. Бай-бай, беби.

5

Дон Ансельмо Руффо оказался точен по-американски – ровно в пять минут двенадцатого в передней раздался короткий звонок. Жерар лениво поднялся с дивана и, выколотив трубку о край пепельницы, пошел открывать.

– Прошу, – кивнул он, увидев маленького сухого старичка в черном, с крокодиловым портфелем под мышкой. – Как дела, сеньор Руффо?

– Благодарю вас, – пискливо ответил старичок, – дел слишком много, чтобы они могли быть хорошими. Приходится работать, несмотря на возраст, сеньор Бюиссонье.

Войдя в гостиную, он положил портфель и перчатки и, вынув из кармана старомодное пенсне, криво нацепил его на нос.

– В половине двенадцатого у меня заседание административного совета, так что я только на минутку... – Он выжидающе глянул на Жерара.

– А я и не собирался вас задерживать. Заказ в основном выполнен, через недельку сможете за ним прислать. Может быть, у вас будут какие-нибудь дополнительные указания... Прошу сюда, налево, здесь у меня временная мастерская.

Остановившись перед «Вакханкой», Руффо сцепил за спиной пальцы и с минуту молча разглядывал картину. Натянутое выражение его морщинистого личика, когда он обернулся к Жерару, сразу показало тому, что заказчик разочарован.

– Это и все – в основном? – кашлянув, тонким голосом спросил Руффо.

– Разумеется, не считая фона и деталей.

– М-да... Конечно... – Руффо снял пенсне и принялся тщательно протирать стекла носовым платком. – Говоря откровенно, сеньор Бюиссонье, безусловно, вещь талантливая, нет спора, но, говоря откровенно, я ожидал несколько иного.

– А именно? – спокойно спросил Жерар.

– Видите ли, дорогой маэстро... Мы с вами не дети, не так ли?... Я думал, что в разговоре с вами достаточно ясно дал вам понять, какого типа вещь мне нужна... М-да... Повторяю, мы с вами – взрослые мужчины...

– Вы сказали, – возразил Жерар, вскидывая бровь, – что хотели бы иметь картину «игривого», как вы изволили выразиться, содержания. Этим вашим указанием я и руководствовался. Мне кажется, выражение лица и поза этой молодой дамы достаточно игривы. По крайней мере, я не рискнул бы повесить эту работу в доме, где бывает подрастающая молодежь.

– Дорогой маэстро, у меня в доме нет подрастающей молодежи, и это соображение меня несколько не беспокоит... При выборе картин я обычно руководствуюсь только своими вкусами, а не... требованиями общепринятой морали... М-да...

– Послушайте, давайте говорить без загадок! Очевидно, я настолько туп, что не умею их разгадывать. Конкретно – чего вы от меня хотите?

– Видите ли... Позвольте показать вам одну вещь, чтобы было более наглядно... Где это я оставил бумаги?..

Руффо вышел в соседнюю комнату и тотчас же вернулся, расстегивая замки портфеля.

– Мне как раз сегодня принесли одну вещь, – проскрипел он, вынув маленький альбом в свиной коже. – Вот, скажем, взгляните на это... Это приблизительно подобный сюжет, но...

Жерар взял протянутый ему открытый альбом – «издание для знатоков» – того рода, что обычно хранят в запертом ящике письменного стола и показывают приятелям на холостяцких пирушках. Несколько секунд он молча смотрел на хорошо отпечатанную цветную репродукцию, потом поднял взгляд на сухонького старичка в черном.

– Вы что, в своем уме? – очень тихо спросил он. – И это мне вы предлагаете написать для вас подобную вещь?

– Вопрос относительно моего ума я нахожу несколько неуместным... М-да... И нетактичным, – с достоинством отозвался Руффо. – Что касается остального, то на этот раз вы поняли меня правильно. Я имею в виду именно подобный жанр... Ничуть, впрочем, не стесняя вашей творческой свободы.

Жерар коротко рассмеялся.

– Вот что, старина, – невежливо сказал он, с треском захлопнув альбом. – Забирайте свой «подобный жанр» и проваливайтесь отсюда, пока я не спустил вас в мусоропровод!

Руффо оторопело взглянул на него, потом спрятал альбом и шелкнул замком портфеля.

– Должен сказать, я был лучшего мнения о европейской воспитанности, – проскрипел он, выходя из мастерской впереди Жерара. – Что ж, не смею настаивать... Будем считать наш договор расторгнутым... М-да... В таком случае, сеньор Бюиссонье, я желал бы получить обратно выданный вам аванс.

Жерар шагнул к письменному столу и остановился.

– А, ч-черт... – пробормотал он сквозь зубы. – Вот что, этих денег сейчас у меня нет, я их истратил. Можете считать за мной. Подписать вексель?

Руффо снял пенсне и стал медленно натягивать перчатки.

– Вексель... М-да... Нет, сеньор Бюиссонье, к чему?.. Между джентльменами можно обойтись без этого, с меня достаточно вашего слова. И вообще не торопитесь с этим. Мне не важно, будет ли это через неделю или через две... Не правда ли? Вы вернете эти деньги, когда вам будет удобнее, вместе с квартирной платой.

– Что?..

– Я сказал – вместе с квартирной платой, – повторил Руффо, – с платой за квартиру, в которой вы живете...

– Какое вам дело до моей квартиры, черт вас подери?

Руффо посмотрел на Жерара почти добродушно:

– Разве мистер... э-э-э... Брэдли, разве он не сказал вам, что этот дом принадлежит нашей компании?

– В первый раз слышу!

– О, очень жаль... Это большое упущение с его стороны, очень большое.

Жерар резко засмеялся и сел в кресло.

– Вот, значит, что! Ясно. Так это была мышеловка?

– К чему такие слова, сеньор Бюиссонье, что вы?.. У меня и в мыслях не было ничего подобного. Когда мистер Брэдли сказал мне, что вы находитесь в трудном положении, и попросил разрешения временно предоставить вам эту квартиру, я ничего не имел против... поскольку... э-э-э... поскольку мы думали остаться с вами в хороших деловых отношениях. Не так ли, сеньор Бюиссонье? Но коль скоро эти отношения вступили в такую фазу...

– Можете не продолжать, – усталым голосом сказал Жерар. – Сколько стоит эта квартира в месяц?

– О, я в такие детали никогда не входил, это вам нужно справиться у администратора... Около тысячи, я предполагаю... Впрочем, с мебелировкой это будет несколько дороже. Не знаю, сеньор Бюиссонье, честно говоря, просто не знаю...

– Ловко, – сквозь зубы проговорил Жерар, глядя в окно пустыми глазами. – Ловко, будь я проклят... Впрочем, так дураков и учат!

Руффо, с портфелем под мышкой, не торопился уходить. Заметив на стене акварели, он снова нацепил пенсне и подошел поближе.

– Вы не дурак, молодой человек... – сказал он рассеянно, разглядывая горный пейзаж. – Просто вы, к сожалению, принадлежите к той вымирающей породе людей, которая готова испортить себе жизнь ради возможности сделать красивый жест. Хотя в данном случае это, пожалуй, не просто красивый жест... Это, пожалуй, уже и в самом деле глупость. Простите... э-э-э... за откровенность. Меня удивляет, что вы не способны понять разницу между, скажем, тем, чтобы выступить по радио с чтением неприличных анекдотов или рассказать анекдот приятелю – с глазу на глаз... Я вам не предлагаю написать такую картину и выставить ее для всеобщего обозрения... М-да... Одним словом, я не теряю надежды, что вы после здравого размышления посмотрите на это дело несколько иначе... Во всяком случае, прошу помнить, что мое предложение остается в силе. И, зная уже вас как большого мастера своего дела, – Руффо подчеркнул слово «большого» и кивнул на дверь ателье, – я готов теперь предложить вам гораздо большее вознаграждение. Я никогда не сорил деньгами, но никогда и не жалел их на подлинные произведения искусства... В данном случае я предлагаю вам пятьдесят тысяч. Мой телефон вы знаете. Чрезвычайно сожалею...

Он снял пенсне и пошел к выходу – маленький, сухонький, похожий в своем черном, чуть старомодном костюме на учителя в отставке.

В прихожей он обернулся и почти благодушно взглянул на Жерара.

– Мне от души жаль вас, маэстро, – медленно проскрипел он, – с вашим талантом вы через год могли бы стать кумиром публики. Но для этого, разумеется, вам пришлось бы отказаться от красивых жестов... М-да... Дон Кихоты сейчас не в моде, где бы они ни появлялись – в делах, в искусстве или в политике. В наш реальный век Фортуна отдается реалистам, а те, кто этого не понимает, умирают неудачниками. Что ж, честь имею... Простите за беспокойство.

Жерар захлопнул за ним дверь и вернулся в ливинг, задыхаясь от ярости.

– Старый сатир, дерьмо проклятое! – выругался он вслух. – «Фортуна отдается реалистам!» Ну и спи со своей Фортуной, старый потаскун, козел...

Подойдя к столику, на котором стоял сифон с сельтерской, он взял стакан и заметил, как дрожат руки. «Сволочь!» – выругался он еще раз, нажав рычажок сифона. Струя с шипением ударила в стакан. На таких вот и покоится общество, прав был Брэдли. «Кожи Руффо – лучшие в мире!» Всеми уважаемый промышленник, олицетворение честности...

Стакан ледяной шипучки немного успокоил Жерара, он присел на край дивана и принялся набивать трубку, стараясь не думать о старом козле, сатире.

Отвесные лучи полуденного солнца не заглядывали в комнату, но Жерару показалось, что света слишком много. Очевидно, переутомил зрение, меньше нужно работать. Ничего, теперь об этом беспокоиться не придется. Встав и подойдя к окну, он опустил штору-жалюзи, набранную из косо поставленных алюминиевых пластин. Комната погрузилась в приятный сумрак, Жерар вытянулся в кресле, ожесточенно дымя трубкой. Да, Элен будет огорчена. «Мне приятно работать только с вами, потому что вы никогда не смотрите на меня так, как другие...» Девчонка, безусловно, пропадет, и очень скоро. Просто пойдет по рукам, как это часто случается с натурщицами. А жаль – славная она, эта Беба... Надо же придумать такую кличку. Беба – это подходит для обезьяны, вот для кого это подходит. Славная девочка, а пропадет в два счета. С ее профессией и ее внешностью, чтобы не пропасть, нужно иметь сильный характер. Ну и разумеется, какие-то моральные устои. А что у нее, у этой Бебы? Ничего, кроме соблазнов

на каждом шагу. Если бы ее как-то поддержать, помочь, мог бы получиться толк, а иначе... Впрочем, что об этом думать? Теперь-то уж ты ничего сделать не можешь. А мог бы. Конечно мог бы – имея деньги. Вот вам очередная проблема морального порядка...

Жерару вдруг захотелось заснуть – и спать как можно дольше, чтобы ни о чем не думать. Посидев еще несколько минут с закрытыми глазами, он устало поднялся, прошел в спальню и, не сняв обуви, повалился на постель. «Спать, спать», – приказал он себе. Но сон не приходил. В тишине спальни, затененной шторами, монотонно и раздражающе шумела решетка вентиляционного отверстия под потолком, через которое в комнату поступал охлажденный и профильтрованный воздух, однако оставшийся после посещения Руффо душок отравы присутствовал в атмосфере, словно некий зловредный газ, лишенный цвета и запаха, но способный довести до сумасшествия.

Поняв, что заснуть не удастся, Жерар вытянулся на спине, закинув руки за голову. Над ним, в полумраке, блестела причудливой формы люстра, похожая на модель межпланетной станции. И это хитроумное кольцеобразное сооружение из позолоченного и эмалированного металла, и едва слышный шум вентиляции, и даже вкрадчивая упругость матраца из пористого каучука – все это раздражало, казалось нелепым до отвращения. Уехать бы в родную Бретань, жить в окружении воды и камня среди упрямых и неторопливых на язык людей – рыбаков с изъеденными солью руками, с выцветшими глазами на выдубленных ла-маншскими бурями лицах...

В два часа – он машинально взглянул на часы – раздался звонок. Жерар открыл, увидел перед собой портье и вспомнил о данном вчера обещании.

– Добрый день, сеньор Бусоньер, – несмело поклонился тот, – простите за беспокойство... Вы мне вчера велели принести вам это...

Дон Хесус робко протянул Жерару исписанный корявым почерком лист бумаги и, встретившись с ним глазами, опустил руку.

– Может быть, вы передумали, сеньор Бусоньер? – тихо спросил он. – Я знаю, это трудная штука – такие хлопоты...

Жерар кашлянул и хотел что-то сказать, но промолчал.

– Вы извините, – опять поклонился портье, – я думал, раз вы сказали... Конечно, это трудно, такие деньги – тысяча семьсот песо...

– Видите ли... – хрипло начал Жерар и снова замолк.

Портье еще раз поклонился и отступил от двери:

– Я понимаю, сеньор Бусоньер... Я понимаю. Конечно, такие деньги... Мы только с женой думали – если не выйдет все, то, может быть, хотя бы часть, мы бы остальное попытались занять под проценты... Есть один турок, он дает...

Дон Хесус улыбнулся дрожащей улыбкой и заискивающе перехватил взгляд Жерара.

– Простите, – сказал наконец тот, – я немного нездоров, не обращайтесь внимания. Тут дело не в сумме... Дело в том... что... Впрочем, ладно! Дайте бумагу, я этим займусь.

Ну что ж, иногда за тебя решают обстоятельства. В таких случаях остается лишь покориться, и это оказывается легче, чем решать самому. Намного легче! Жерар был теперь спокоен, совершенно спокоен. Дон Хесус растерянно что-то бормотал, на лице его была недоверчивая радость, и он обеими руками хватал руку Жерара.

– Ладно, ладно, – усмехнулся тот, – не стоит благодарности, дон Хесус, для меня это не составляет труда. Зайдите ко мне завтра в это время. Ну, всего наилучшего...

Он вернулся в ливинг, на ходу пробегая содержание бумаги. Сумма была указана аккуратно – цифрами и прописью. Тысяча семьсот песо. Жерар нацедил себе еще стакан содовой и медленно выпил, не сводя глаз с развернутого прошения. Потом тщательно разорвал бумагу на мелкие клочки, с усмешкой взвесил их на ладони и высыпал в пепельницу. Потом подошел к телефону.

– «Руффо и компания», – заученно пропел в трубке голос телефонистки. – Что прикажете, кабальеро?

– Мне нужен дон Ансельмо Руффо, срочно.

– Прошу прощения, у сеньора Руффо заседает административный совет. Прикажете что-нибудь передать?

– Соедините меня с ним, черт возьми! – бешено крикнул Жерар. – Я сказал «срочно»!

– Простите, но во время заседаний...

– Послушайте, вы, если через тридцать секунд я не получу соединения с доном Ансельмо, считайте себя уволенной! Ясно?

Телефонистка испуганно умолкла, послышалось щелканье переключаемых коммутаторов и гудки. Потом в трубке недовольно проскрипел знакомый голос:

– В чем дело?

– Сеньор Руффо?

Жерар вдруг замолчал, охваченный каким-то внезапным приступом не то страха, не то слабости.

– Я слушаю, – еще более недовольно проскрипел голос.

– Это говорит Бюиссонье, – быстро сказал Жерар, справившись с собой. – Дело в том, что я передумал и принимаю ваше предложение.

– А, мой молодой друг, – медленно и, как показалось Жерару, с едва уловимым оттенком насмешки протянул Руффо. – Ну что ж, приступайте к работе. Чем-нибудь могу быть вам полезен?

– Да. Мне нужны еще две тысячи песо, и не позже завтрашнего полудня. В противном случае...

– Вы получите их через час.

– Если можно – наличными.

– Как вам угодно. Через час деньги будут в ваших руках. Желаю успеха, маэстро...

– Вот так, – пробормотал Жерар вслух, положив трубку. С минуту постояв с оглушенным видом, он пожал плечами и направился в кухню. В холодильнике еще от Брэдли оставалось порядочно спиртного. Жерар запахнул тяжелую бесшумную дверцу и достал едва початую бутылку с черной этикеткой: «ВАТ69 – выдержанное шотландское виски из наилучшего ячменя. Крепость и чистота гарантированы».

– Правильно, – усмехнулся Жерар, – крепость и чистота – как раз то, что нужно...

Он отвинтил пробку и огляделся в поисках стакана. На столе стояла чашка с недопитым кофе. Жерар выплеснул его в раковину, сполоснул чашку под краном и налил почти до краев.

Неразведенный шестидесятиградусный напиток обжег ему глотку и пищевод и вызвал на глазах слезы. Когда прошел приступ кашля, Жерар отдышался и, стиснув зубы, налил еще чашку. Эта – как ему показалось – прошла уже легче.

6

Основными чертами характера сеньориты Монтеро были любопытство и легкомыслие. Ей уже не однажды случилось испытать на себе отрицательную сторону этих качеств, но на этот раз они сыграли с ней особенно скверную штуку.

Возможно, будь она с подругой, ничего бы не случилось, но деловая по натуре Линда решила использовать свободный день для того, чтобы повидать некоторых своих бывших товаров по Театру обозрений и обсудить с ними предложение носатого Линареса, и на пляж Бебе пришлось поехать одной.

Первая половина дня прошла мирно, и ничто не предвещало мрачной развязки. Правда, в автобусе по дороге в Оливос к Бебе, несмотря на ранний час, пристал какой-то тип, да так

активно, что ей пришлось крикнуть шоферу и попросить его остановиться возле ближайшего постового; наглец выскочил из автобуса прямо на ходу, воспользовавшись замедлением на повороте. На пляже она добросовестно жарилась на солнце, потом плавала, стараясь держаться в обнесенной красными буйками зоне безопасности, потом опять загорала на песке. Пляж был почти безлюден, вода не слишком холодна, на сигнальной мачте развевался голубой вымпел – «идеальные условия для купания». Скоро к Бебе подсел шоколадно-загорелый *guardavida*⁴, которому надоело торчать на своей сторожевой вышке; у него была непомерно развитая грудная клетка пловца-профессионала и кривые, до изумления волосатые ноги. Беба подумала, что ее собственные от такого соседства только выигрывают, и проболтала со стражем целый час, пока того не кликнули вытаскивать из воды какую-то чрезмерно увлекшуюся купанием сеньору. В два часа страж ушел обедать, спустив с мачты голубой вымпел и подняв вместо него красный, означающий, что с этого момента купальщики остаются без ангела-хранителя.

Сделав еще один небольшой заплыв, Беба тоже решила уйти. Она уже порядком проголодалась, и от солнца начала побаливать голова. Зайдя в кабинку, она быстро оделась и побежала к автобусной остановке, весело размахивая пляжной сумкой в блаженном неведении относительно своего ближайшего будущего.

Как это часто бывает с женщинами, ее погубили любопытство плюс необузданная любовь к нарядам. Доехав до Пласа Италиа, она увидела рекламу какого-то модного ателье, предлагающего богатый выбор только что полученных из Нью-Йорка моделей. Ателье было расположено на авениде Кордова, поблизости от здания факультета медицины, и, вместо того чтобы пересест на автобус, идущий в Линьерс, Беба спустилась в метро и поехала любоваться нью-йоркскими модами.

Выйдя из вагона на станции «Хустисиалисмо» и увидев возбужденно орущую толпу студентов на перроне, она сразу поняла, что в факультете опять происходят какие-то беспорядки. Самым разумным было бы подождать три минуты до следующего поезда, проехать еще одну остановку и вернуться пешком со станции «Кальяо». Но любопытная Беба обрадовалась возможности увидеть сразу два интересных зрелища вместо одного и решительно направилась к выходу.

В подземном вестибюле станции, где студенты обычно закусывали в расположенном тут же баре, атмосфера была еще более накаленной. Беба стала осторожно пробираться к выходу между яростно спорящими группами. На лестнице почти дрались, а наверху, судя по реву голосов и завыванию полицейской сирены, обычный студенческий бедлам развернулся уже, видно, во всю ширь.

Движение по авениде было перекрыто, на углу Хунин стояли патрульные машины федеральной полиции, синие мундиры мелькали в толпе студентов, осаждающей вход в здание факультета. Прижавшись к парапету у входа в метро, Беба с восторгом наблюдала за событиями, не совсем понятными и поэтому особенно интересными. В одном из окон факультета появился седоусый старичок, стал кричать что-то, делая успокаивающие жесты. На секунду стало тише, и Беба расслышала хриплый от натуги голос:

– Коллеги... Заклинаю вас... Помните о своем гражданском долге... Храм науки...

– Долой!.. – неистово заорал рядом с Бебой высокий курчавый парень в растерзанном костюме. – Мы-то помним, что это храм науки! А вы сводите в нем политические счета! Доло-о-ой!..

Толпа снова взревела, седоусый в окне махнул рукой и скрылся. Старое желтое здание факультета с серыми от пыли парусиновыми маркизами на окнах казалось вымершим и поражало своим покоем среди бушевавшей вокруг свалки. Непрерывно сигналив, сквозь толпу пробралась карета «скорой помощи» – в расположенный напротив факультета клинический гос-

⁴ Сторож на спасательной станции (*исп.*).

питаль привезли больного. Пока санитары выгружали носилки, несколько студентов успели забраться на крышу кареты, размахивая кулаками и скандируя: «До-лой, до-лой, до-лой!..»

– Ни в одной нормальной стране, – продолжал выкрикивать курчавый, срывая голос, – власти не имеют права менять профессоров по своему усмотрению! Что такое сегодняшняя Аргентина – свободное государство или гитлеровский райх? Где университетская автономия?

– Автономию!! Автономию!

– Автономию! – завопила и Беба. – Хотим автономию!

Из-за угла улицы Президента Урибуру, кренясь на развороте и истошно завывая сиреной, вылетел еще один полицейский автобус, за ним скользнул патрульный «форд» с установленным на крыше громкоговорителем. Из открытого по бокам автобуса посыпались полицейские с карабинами.

– Предлагаю немедленно разойтись... – монотонно и оглушительно закаркал над толпой громкоговоритель. – Предлагаю немедленно разойтись... Если порядок не будет восстановлен через пятнадцать минут, федеральная полиция сделает это с применением силы. Прошу всех расходиться по боковым улицам группами не более пяти человек. Повто...

Беба не видела, что произошло, – очевидно, в громкоговоритель чем-то швырнули, потому что он вдруг поперхнулся на полуслове, захрипел и совсем умолк. Толпа восторженно заревела, замелькали дубинки полицейских. «Компаньерос, берегитесь провокаций!..» – отчаянно закричал курчавый, но его слова потонули в воплях «Долой!». Бебу оттеснили к ограде госпиталя, она взобралась на цоколь решетки и, сунув в рот два пальца, пронзительно засвистела.

Она была в полном восторге, но теперь уже решительно не понимала, что происходит. Часть студентов дралась с синими мундирами, часть – между собой; скоро полицейским удалось расчистить всю середину проспекта, и они начали умирять отдельные группы, продолжавшие оказывать сопротивление блюстителям закона или лупить друг друга. Был еще момент, когда Беба могла улизнуть в метро, но она была слишком увлечена дракой нескольких студентов, сцепившихся прямо у того места, где она стояла на цоколе ограды. Возбуждение дерущихся передалось и ей; держась за решетку левой рукой, она перекинула свой пляжный мешок в правую и, улучив момент, с размаху хлопнула по голове какого-то рыжего парня, лицо которого ей не понравилось. Рыжий удара не заметил, и она размахнулась было для вторичного, но тут кто-то с другой стороны сильно дернул ее за юбку – Беба не глядя направила удар в ту сторону и, только после этого оглянувшись, обмерла от ужаса.

– Довольно, сеньорита! – заорал дернувший ее полицейский сержант, поправляя едва не слетевшую от удара фуражку. – А ну, сойдите вниз! Быстро!

Беба, мысленно поручив себя заступничеству Девы Марии, соскочила с цоколя, и сержант крепко схватил ее выше локтя.

– Разнимайте этих! – крикнул он другим полицейским, указывая на продолжавших драться рыжего и его товарищей, и сердито посмотрел на Бебу. – А вы пойдете со мной!

– Простите, я не хотела... – испуганно сказала она и попыталась улыбнуться. – Отпустите меня, сархенто⁵, будьте таким любезным!

– Идемте, идемте.

– Сархенто, я очень тороплюсь, правда...

– Успеете!

Сержант повел ее к зданию факультета, куда полицейские загоняли других задержанных. В прохладном вестибюле уже толкло несколько репортеров с камерами и блокнотами в руках. Увидев Бебу, двое из них тотчас же устремились к ней.

⁵ Сержант (*исп.* sargento).

– Ваше имя, сеньорита, – затараторил один, пока второй, приседая, нацеливался объективом, – ваше участие в событиях? Что вы желаете сказать по поводу происходящего? Всего несколько слов, сеньорита...

Подоспевший офицер отстранил репортера:

– Прошу вас, господа, прошу вас... Никаких разговоров с задержанными, все сведения о событиях вы получите сегодня же на улице Морено... Господа, прошу вас... Лопес, уведите сеньориту, черт возьми! Ведите ее к Гийермо – последняя дверь по коридору, здесь уже нет места. Быстрее!

– Лейтенант, это недоразумение! – в отчаянье крикнула Беба.

– Ладно, ладно, – нетерпеливо махнул тот рукой.

Сержант повел Бебу по коридору.

– Стыдитесь, сеньорита, – бубнил он, так же крепко придерживая ее за локоть. – Родители на вас деньги тратят, образование вам дают, а вы такими делами занимаетесь...

– Я ничего не делала, сархенто, – лепетала она, – честное слово!

– Ясно, все ничего не делают, хоть мне бы не говорили. Зайдите-ка покамест сюда... Эй, Гийермо!

Сержант ударил в дверь кулаком и передал Бебу другому полицейскому:

– Возьми еще одну, у Мануэля уже полно.

– Дралась?

– И еще как! На ринге против этой красотки не устоял бы и Джо Луис. Осторожнее с ней, главное – не давай войти в клинч!

Довольный своей шуткой, сержант захохотал и удалился за новой добычей.

Чувствуя, что влипла в нехорошую историю, Беба испуганно огляделась. За поднимающимися крутым амфитеатром длинными столами уже сидела дюжина задержанных, ожидающих решения своей участи. Растерзанный вид большинства из них наглядно свидетельствовал об активном участии в событиях – у одного висел оторванный рукав рубашки, двое сидели, закинув головы, с платками у носа, еще один с мрачным видом прикладывал к подбитому глазу лезвие перочинного ножа, переворачивая его то одной, то другой стороной.

– Ваше имя? – спросил полицейский, подводя Бебу к кафедре.

– Послушайте, я ничего не делала, уверяю вас...

Полицейский досадливо поморщился:

– Сеньорита, я ведь не комиссар, мое дело вас записать. Объяснять будете после, ничего не делали – тем лучше, значит выпустят. Ваше имя?

– Монтеро Елена, – вздохнув, тихо ответила Беба.

– Елена... – повторил полицейский, вписывая имя в наполовину уже заполненный список. – Год рождения?

– Тысяча девятьсот тридцать третий...

– Адрес?

– Артигас, шестьсот двадцать восемь, Линьёрс.

– Ладно, идите садитесь. И ни с кем не разговаривать, ясно?

Беба послушно уселась за один из столов во втором ряду, стараясь ни на кого не смотреть и с ужасом думая о том, что ждет ее впереди. Ее даже немного мутило – то ли от страха, то ли от голода. Не ввяжись она в эту дурацкую историю – все было бы совсем иначе: сейчас она уже пообедала бы и спокойно лежала у себя в комнате, читая про слепого сыщика. Что подумает Линда? Сочтет ее утонувшей и начнет звонить по моргам? Но самое главное – что подумает завтра сеньор Бюиссонье, если ее сегодня не выпустят? И зачем только она взяла у него эти деньги?.. Теперь он, конечно, решит, что она попросту сбежала. «Дева Мария, – прошептала про себя Беба, складывая под столом ладони, – пожалуйста, сделай так, чтобы меня обязательно выпустили сегодня...»

В дверь аудитории опять постучали снаружи – полицейский открыл, приняв сразу троих. Те вели себя шумно и вызывающе, отказывались отвечать на вопросы и требовали покончить с полицейским произволом. Потом привели еще одного, более покладистого. Только сейчас Беба заметила над кафедрой большие настенные часы – стрелки показывали половину шестого. Она ахнула – ей казалось, что не более получаса прошло с того момента, когда она вышла из автобуса на Пласа Италия.

В шесть часов пришел поймавший Бебу сержант; всех задержанных выстроили в затылок и повели по коридору, приказав не шуметь. Во внутреннем дворе стояли два крытых грузовика, один из них был уже почти полон, другой ждал очереди. Очутившись в большом обществе, студенты снова зашумели, явно стараясь, чтобы их услышали на улице. Загнав еще нескольких в первый грузовик, полицейские торопливо подняли борт, один из них, с карабином, вскочил последним, и грузовик с рычанием выехал за ворота; оттуда тотчас же донесся гул возмущенных голосов. Началась посадка на вторую машину. Когда Беба взбиралась по узкой приставной лесенке, стоявший рядом полицейский невежливо подтолкнул ее концом резиновой дубинки, процидив сквозь зубы ругательство.

– Не смей трогать девушку, ты! – тотчас же крикнул кто-то из шеренги ожидающих погрузки. – Будьте свидетелями, компаньерос, он ее ударил!

Остальные зашумели, раздались предложения написать об этом случае министру юстиции. «Да пишите хоть самому Перону, – ворчали полицейские, подгоняя очередь. – Живее, не на пикник едете». Из глубины кузова неслись негодующие крики:

– Не давайте воли рукам!

– Преторианцы!

– Сатрапы!

– Ищейки! Гав, гав, гав!

Грузовик наконец тронулся и, на полном ходу проскочив мимо ожидающей за воротами толпы, круто развернулся и понесся по улице, сопровождаемый двумя патрульными машинами.

В кузове было тесно, все стояли вплотную друг к другу, шатаясь от толчков. Освоившись с темнотой – заднее полотнище покрывавшего кузов брезента было опущено, – Беба увидела рядом с собой того курчавого, что препирался с седоусым. Тот тоже посмотрел на нее, и, словно стараясь припомнить, прищурился.

– Я что-то вас никогда не встречал, компаньера, – сказал он. – Вы на первом курсе?

– Да нет, я вообще не студентка, – растерянно отозвалась Беба и ухватила за его рукав, так как машину сильно качнуло.

– А что же вы тогда тут делаете? – изумился курчавый.

– Я попала случайно – просто хотела посмотреть. Я проходила мимо! Потом я немного подралась, и меня поймали.

– А-а, – усмехнулся курчавый, – любительница острых ощущений. Ну, острые ощущения вам гарантированы, будьте спокойны. Это вас ударил этот болван?

– Он не ударил, только подтолкнул... совсем не больно. А почему вы думаете...

– Увидите, – сказал курчавый таким зловещим тоном, что Беба похолодела. – После выхода на свободу вам несомненно понадобится медицинская помощь, сеньорита. Хотите мой адрес? Диплом будет у меня через месяц, я на последнем.

– П-почему понадобится? – заикаясь от страха, спросила Беба.

– Потому что в лучшем случае вы отделаетесь ушибами и вывихами, а в худшем... Ну, в худшем могут быть переломы конечностей, различного рода травмы, повреждения внутренних органов, сотрясение мозга, кровоизлияния и так далее. Так или иначе, без моей помощи вам не обойтись, поэтому запишите мое имя – Эрменехильдо Ларральде. Найти меня можно в госпитале Роусон, домашней практики у меня пока нет. Вас я по знакомству приму без очереди.

- Вы шутите, сеньор Ларральде, – с надеждой сказала Беба.
- Думайте так для собственного успокоения. Ребята, у кого есть закурить?
- Кто-то перебросил ему сигарету, Ларральде ловко поймал ее на лету и щелкнул зажигалкой.
- Курить запрещено! – крикнул сидящий на заднем борту полицейский.
- Запретный плод сладок, мой генерал, – ответил Ларральде, со вкусом затягиваясь. – Простите, сеньорита, не подумал вам предложить. Вы курите?
- Сейчас не хочу, спасибо, – убитым тоном отозвалась Беба.
- Напрасно, от переломов конечностей ваше послушание все равно не спасет. Знаете, какие бывают переломы? Самые плохие – это открытые.
- Ах, идите вы...
- Вас могут подвергнуть пытке электрическим током, – не унимался Ларральде. – Знаете, как это делается? Вас разденут, положат на оцинкованный стол, пристегнут руки и ноги специальными ремешками и будут прикладывать электроды к чувствительным частям тела. Ощущение острое, поверьте.
- Послушайте, хватит вам! Все это очень остроумно, но у меня нет настроения смеяться.
- А кто вам предлагает смеяться? Плакать надо, сеньорита, плакать. Вы умеете плакать по заказу? У меня была любовница – скромности ради не будем называть ее по имени, но вы, несомненно, не раз видели ее на экране, – так вот, она изумительно умела плакать по заказу. Вот такие слезины, не поверите. Вообще, фантастическая женщина, тигрица. Фигура! Темперамент!
- Почему же вы с ней расстались? – насмешливо спросила Беба.
- Именно из-за ее темперамента. Она приревновала меня к дочери одного миллионера – не будем уточнять, кого именно, – и покушалась на мою жизнь. Однажды ночью вдруг пытается ударить меня толедским кинжалом. Представляете? Но я перехватываю ее руку – гоп! – и говорю: «Дорогая, расстанемся без вмешательства полиции». Кинжал она мне оставила, я потом потрошил им трупы в анатомичке.
- Врете, – вздохнула Беба. – В тюрьме чем-нибудь кормят?
- О, в Дэвото кормят отлично. Русская икра, шампанское и так далее. Сейчас увидите сами, мы, кажется, уже подъезжаем. Если не ошибаюсь... Да, асфальт уже кончился, слишком уж трясет. Через пять минут будем дома.
- Похоже, что эту дорогу вы знаете с закрытыми глазами, – съязвила Беба.
- Еще бы! Минимум раз в семестр я путешествую по ней на казенный счет.
- И вам хватает времени на звезд экрана и на потрошение трупов?
- Сеньорита, я давно не занимаюсь ни тем ни другим, – с достоинством ответил Ларральде. – На последних курсах мы потрошим не трупы, а живых людей.
- Верно, вы же скоро кончаете. Кстати, разве сейчас не каникулы? – спросила Беба.
- Вообще – да, но в этом году мы задержались. Университет ведь бастовал весной два месяца – весь август и сентябрь, поэтому сессии были отложены.
- А из-за чего бастовали?
- Не хотели нового министра просвещения...
- Машина сбавила ход. Потом она остановилась, полицейский спрыгнул наружу, и задний борт с грохотом откинулся. Студенты загалдели и стали прыгать на землю. Ларральде церемонно поклонился:
- Ну, рад был с вами познакомиться, сеньорита...
- Монтеро.
- Очень рад, сеньорита Монтеро. Жаль, что уже приходится расставаться, но это ненадолго.
- Полицейский заколотил резиновой палкой по борту:

– Живее, живее! Вы что, ночевать здесь собрались?

– Потише, мой генерал, – соскочив на землю, сказал Ларральде, – вы разговариваете с представителями медицины. Рано или поздно ваша жизнь окажется в наших руках.

– Разрешите вам помочь...

Он подхватил Бебу за талию и осторожно опустил на землю.

– Где же мы с вами встретимся? Надеюсь, что через неделю мы все будем на свободе.

– Вы считаете, что это необходимо – встречаться? – лукаво спросила Беба, искоса глянув на него из-под ресниц.

Ларральде, отбросив свой самоуверенный вид записного балагура, добродушно улыбнулся:

– Ну почему... Я просто думал... раз уж мы познакомились в таких обстоятельствах...

Полицейский оттеснил Бебу в сторону.

– Сеньорита, это вам не клуб, здесь разговаривать нельзя! Отойдите к другим девушкам, сейчас за вами придут. Эй, кто там еще в машине – живее на землю!

– Так как же? – быстро спросил Ларральде.

Беба улыбнулась и пожала плечами. Отойдя на несколько шагов, она обернулась и бросила:

– Мой телефон – шестьдесят четыре двадцать шесть одиннадцать.

– Я кому сказал, сеньорита! – рявкнул полицейский.

– А я что говорю? – огрызнулась Беба и пошла к группе девушек, небрежно размахивая сумкой.

Тотчас же к ним подошла женщина в сером халате и велела идти за собой. У Бебы опять сжалось сердце; она обвела взглядом ряды зарешеченных окон, потом оглянулась на Ларральде и заставила себя улыбнуться и помахать рукой.

– Номера я не забуду! – крикнул тот, сложив ладони рупором.

Девушек было задержано немного, и их всех рассадили по разным камерам. Беба оказалась в обществе нескольких работниц с текстильной фабрики, арестованных за участие в какой-то демонстрации, и двух мегер гнусного вида, на воле промышлявших наркотиками. Разговаривать с мегерами было противно, а работницы были слишком озабочены своим положением и все время шептались между собой, поэтому Беба оказалась предоставленной самой себе. Одна из мегер в первую же ночь украла у нее нейлоновый шарфик; Беба видела это, но решила не связываться. После завтрака и уборки камеры она села на свою койку со сложенными на коленях руками и просидела так целый день, уныло глядя на зарешеченный кусочек яркого неба. Лежать или ходить по камере не разрешалось – надзирательница то и дело заглядывала в глазок.

Время от времени Беба принималась потихоньку плакать, думая о том, как воспринял ее исчезновение сеньор Бюиссонье. Если бы не это, в ее положении не было бы ничего особенно страшного. Случайное участие в студенческих беспорядках – это же не преступление. О своем новом знакомом Эрменехильдо Ларральде она не думала, только иногда вспоминала о нем в связи с его предсказаниями о возможном сроке заключения. Целая неделя – это же страшно много, завтра или послезавтра Бюиссонье заявит в полицию, и тогда ее обвинят уже не в этой дурацкой студенческой драке, а в гораздо худшем. Кто поверит, что она попала в эту историю случайно, а не нарочно, чтобы на несколько дней засесть в тюрьму и замести следы? Ей очень хотелось посоветоваться с кем-нибудь из текстильщиц, но те явно сторонились ее – слишком уж нарядно она выглядела со своей модной прической.

Нестерпимо медленно прошли первые сутки заключения, потом вторые. На третий день Беба уже не помнила себя от отчаяния. Ей начинали вспоминаться всякие страшные истории о людях, которые проводили в предварительном заключении по нескольку месяцев, не получая свидания со следователем. Потом припомнила какую-то женщину, которую в тюрьме остригли

под машинку; Беба ужаснулась и решила, что если с ней такое сделают, то она немедленно покончит с собой. Вечером ее вызвала надзирательница и повела по бесконечным коридорам. Куда и зачем ее ведут – стричь или пытаться, – было неясно; Беба приготовилась к худшему. Она так ясно представила себе стол с ремешками, о котором говорил Ларральде, что ей стало тошно от страха, а ноги перестали повиноваться. Но как раз в этот момент надзирательница остановилась у одной из дверей.

– С тобой будет говорить господин комиссар, – строго сказала она Бебе и позвонила. – Отвечай только правду и не вздумай закатывать истерик – он этого не любит...

– Входите! – крикнули изнутри.

Надзирательница открыла дверь и подтолкнула Бебу вперед – та из вежливости хотела уступить ей дорогу.

– Вы вызывали задержанную Монтеро, сеньор комиссарио.

– Кого? Какую еще Монтеро?

– Это из тех, сеньор комиссарио, что задержаны шестнадцатого.

– А-а, да. Хорошо, вы пока свободны. Сюда, сеньорита...

Беба со страхом приблизилась к столу, за которым сидел унылого вида полицейский офицер с зализанными на макушке редкими волосами.

– Садитесь, сеньорита Монтеро.

Беба опустила на краешек стула.

– Как вам известно, – начал комиссар скучным голосом, заглянув в лежащий перед ним список и поставив в нем птичку, – вы задержаны за участие в событиях, разыгравшихся шестнадцатого февраля на медицинском факультете. Что вы имеете сообщить по этому поводу?

– Я... Мне нечего сообщить... – запинаясь от страха, пробормотала Беба. – Я совсем не студентка, сеньор комиссарио...

– Это усугубляет вашу вину. Что вы делали перед зданием факультета?

– Ну... я просто проходила мимо... а потом попала в толпу и не могла выбраться. Я ехала с пляжа, сеньор комиссарио... просто остановилась поглядеть.

– Вы проходили мимо или вы остановились? Это не одно и то же!

– Я проходила и потом остановилась...

– Но вы принимали участие в драке?

– Нет... Я только хотела растащить – там дрались двое, и я... я, кажется, ударила одного сумкой... Они так дрались, что мне стало страшно.

– Сумку у вас отобрали в тюрьме?

– Да, сеньор комиссарио.

Комиссар снял телефонную трубку и велел принести вещи задержанной Монтеро.

– Вы ехали с пляжа, говорите? – снова обратился он к Бебе.

– Да, сеньор комиссарио...

– Живете с родителями?

– Нет, сеньор комиссарио, мои родители умерли. Я живу одна... То есть я хочу сказать – с подружкой.

– У вас есть состояние?

– Нет, сеньор комиссарио...

– В таком случае почему вы не работаете? Вы были на пляже не в воскресенье. На какие средства вы живете?

– Я работаю натурщицей, сеньор комиссарио... Позирую для художников.

– А-а... позируете?

Комиссар оглядел ее и усмехнулся, Беба под его взглядом покраснела.

– Да, позирую! – запальчиво отпарировала она. – А что такого?

Он успокаивающим жестом выставил перед собой ладони:

– Тише, тише! Я тебе что-нибудь сказал? Вот и не волнуйся...

Положив перед собой лист бумаги, комиссар развинул вечное перо и попробовал его на ногте. С минуту он писал, не обращая больше на Бебу никакого внимания, потом в дверь стукнули, и вошел полицейский с пляжной сумкой. Комиссар жестом велел положить ее на стол.

– Твоя? – спросил он у Бебы, откладывая бумагу.

– Моя, сеньор комиссарио...

– Глянь, Лопес, что там у нее.

Полицейский развязал сумку и вытащил скомканный купальник, полотенце, флакон туалетного масла и портмоне.

– Над столом хоть не труси! – Комиссар взял папку и ребром ее смахнул на пол насыпавшийся из сумки песок. – Больше ничего? Клади обратно... – Флакон с маслом он развинул зачем-то, понюхал и отдал Бебе вместе с сумкой. – Ладно, забирай и катись отсюда. Но учти! – Он хлопнул ладонью по столу и угрожающе повысил голос: – Влипнешь еще в одну такую историю – посажу на шесть месяцев. Ясно? Так или иначе, досье на тебя уже заведено, поэтому сиди тихо. Лопес, проводи ее на выход. Да, минутку – тут еще надо расписаться...

Беба, не читая, подмахнула какую-то бумагу и выскочила за дверь, пока комиссар не передумал.

– Куда спешишь? – сказал вышедший следом за нею Лопес. – Сейчас еще пропуск будем оформлять...

Когда она наконец вышла на свободу, уже стемнело. Подкатил автобус, в довершение ко всему еще и полупустой; заняв место у окна, она с наслаждением смотрела на мелькающие мимо дома предместья и все еще не совсем верила свободе. Скоро узкие улочки сменились широкими, ярко освещенными авеню. На одной из остановок Беба увидела телефонную будку и, расталкивая пассажиров, бросилась к выходу.

Она звонила долго, то и дело вешая трубку и снова бросая в щель двадцатицентовую монету. Телефон на другом конце провода был занят. «Странно, с кем это он так долго говорит? – подумала Беба, выходя из будки. – Позвоню еще раз, позже».

Линда встретила ее без удивления – спокойно отложила книгу и улыбнулась:

– Ну, здравствуй. Понравилось в тюрьме?

Беба опешила:

– А ты откуда знаешь?

– Из газет, откуда же еще, – лениво ответила Линда, потягиваясь. – Я в тот же день, когда ты поехала на пляж, вечером была у парикмахера и начала просматривать вечерние газеты... Как раз только что принесли, часов в семь это было... Читаю – какие-то студенческие беспорядки, и вдруг в списке задержанных твоя фамилия. Представляешь, какой шок? Чего ради ты туда полезла?

– Подожди, все расскажу. Бюиссонье не звонил?

– Никто не звонил, насколько я знаю. Знаешь, а у меня новость: уезжаю с Линаресом, и, наверное, очень скоро.

– Серьезно? Ну смотри... Он все-таки жулик. Впрочем, ты его знаешь лучше.

– Конечно. Ну а ты как – благополучно отделалась?

– Да, но только я сейчас прежде всего должна искупаться... Ты не можешь себе представить, я три дня не мылась. Там жуткие клопы – вот такие, меня всю искусили. Боюсь, еще с собой принесла. Слушай, достань мне белье и полотенца, я даже не хочу лезть в шкаф... Ты умрешь со смеху, когда я тебе все расскажу...

7

На следующий день, с утра, Линда отправилась начинать хлопоты о паспорте. Беба еще несколько раз пыталась позвонить Бюиссонье, но опять безуспешно. Телефон был, очевидно, испорчен, так как все время слышались те же отрывистые сердитые гудки.

Наспех позавтракав, она оделась с особой тщательностью и вышла из дому раньше обыкновенного. Не было еще десяти часов, когда она позвонила у двери своего нового патрона. Долго никто не отзывался, и Беба уже подумала было, что Бюиссонье вообще исчез, когда за дверью послышались непривычно шаркающие шаги.

– А, это вы, – равнодушно сказал Жерар, отворив дверь. – Заходите.

Свет в передней был выключен, и Беба не разглядела его лица, но ей почему-то показался странным весь его вид.

– Добрый день, Херардо, – весело заговорила она, не успев даже сообразить, что именно ее поразило, – воображаю, как вы меня ругаете. Вы знаете, со мной случилась такая история...

– Истории случаются... с каждым, – каким-то спотыкающимся и в то же время равнодушным голосом отозвался Жерар, входя вместе с ней в залитый утренним солнцем ливинг. Закрывая дверь, он пошатнулся – и только тут Беба увидела, что он совершенно пьян. В такое время?..

– Что с вами, Херардо? – удивленно спросила она, останавливаясь перед ним. – Вы выпили лишнего? Странно, я не думала... Да и кто же пьет с утра?

– Кому нужно... тот пьет, – подмигнул Жерар, беря у нее из рук сумочку. – Будьте как дома, прошу вас. Стаканчик коньяку? Или вы предпочитаете это, как его... в-виски? Вы же американка...

– Спасибо, я ничего не хочу, – уже встревоженно сказала Беба, не сводя с него глаз. – Послушайте, Херардо, у вас какая-то неприятность?

Жерар покачал головой, скривив губы, и отмахнул свисающие на лоб волосы.

– Что вы... мадемуазель Монтеро... – пробормотал он, свалившись в кресло рядом с уставленным бутылками столиком. – Впрочем, мы же перешли на «ты», у меня совсем вылетело... Не обращай внимания.

Он неторопливо вытянул полстакана золотистой жидкости и, поморщившись, принялся задумчиво жевать ломтик лимона.

– Ты говоришь – неприятность, – усмехнулся он, выплюнув корочку. – Что ты, моя кошечка... У меня огромная удача! И я ее праздную... уже второй день. Или третий?

Беба натянуто рассмеялась и присела на край дивана.

– Я за тебя рада, Херардо... если у тебя и в самом деле удача. Но только мне кажется... Херардо, может быть, тебе хватит? – робко спросила она, когда он опять взялся за бутылку.

– Чеп-пуха... нонсенс, как говорит Аллан. Сейчас мы выпьем вместе – за мою колоссальную удачу... Рекомендую, Беба, – настоящий «кордон блё»... лучший из французских коньяков. Пр-рошу!

– Нет, Херардо, я же сказала...

– Мадемуазель... – Жерар прикрыл глаза и поклонился, едва не свалившись с кресла. – Не смею настаивать. Ваше драгоценное здоровье...

– Спасибо, – прошептала Беба, глядя на него уже со страхом.

Жерар выпил и трясущимися пальцами разорвал пополам кружок лимона.

– Итак, у меня удача. Ты не хочешь меня поздравить? Ну да, ты же еще не знаешь, в чем дело...

Он покачал головой, жуя лимон.

– Дело в том, что я теперь богат... как сорок тысяч крзов. А это главное в жизни, не так ли? Ты купила себе шубку?

– Нет еще...

– И не надо. Через месяц я куплю тебе горностаевую мантию. Знаешь, такую, с хвостиками. – Он клюнул носом и повертел в воздухе пальцами, по-видимому желая изобразить хвостики горностаев. – Устраивает тебя?

– Да, – растерянно улыбнулась Беба, стараясь попасть ему в тон. – То есть я не знаю, в ней, пожалуй, неудобно ходить? Будет путаться в ногах, она ведь длинная.

– Укоротишь – по моде, – решительно сказал Жерар. – Да, так что я хотел...

Он на минуту прикрыл глаза, и Беба похолодела: его мертвенно-бледное лицо с трехдневной рыжеватой щетиной на щеках вдруг представилось ей мертвой маской.

– Херардо! – вскрикнула она испуганно. – Тебе нехорошо?

– Нет, напротив, – пробормотал он, с усилием открывая налитые кровью глаза. – Что ты... Я же тебе сказал – мои дела идут просто замечательно... как никогда.

– Конечно, Херардо, я верю. Приготовить тебе крепкого кофе?

Жерар что-то промычал, отрицательно мотнув головой.

– Никуда не ходи, – сказал он спустя минуту. – Нам нужно... поговорить.

– Да, я слушаю...

– Ты рада, что у меня... есть теперь деньги?

– Я думаю, они были у тебя всегда. – Беба пожала плечами. – Но вообще я за тебя рада, конечно.

– Вот именно. Нет, раньше их у меня не было... Но теперь есть. Понимаешь? Это самое главное... Ты согласна, что в жизни самое главное – это деньги?

Беба чувствовала себя совсем неловко. По сути дела, нужно было уйти, но ей страшно было оставить Херардо одного в таком состоянии. Нужно обязательно напоить его черным кофе, и побольше... Но что с ним случилось?

– Да... я не знаю, – растерянно ответила она, когда Жерар с упорством пьяного повторил свой вопрос. – Конечно, без денег нельзя жить, Херардо... А насчет того, что в жизни главное, я просто никогда не думала. Но я подумала, если ты хочешь.

– Н-не нужно... Об этом уже думали без тебя. Главное – это деньги. Понимаешь – деньги! На моем языке это называется l'argent, на языке Аллана – money. Time is money! Ты говоришь по-английски?

– Нет, Херардо...

– И не надо. Запомни только одно слово – money. Деньги! Это главное, Беба, а все остальное... всякие такие штуки, как мораль... – Жерар покривился и пальцем прочертил в воздухе большой крест, – все это чушь, мы живем в двадцатом столетии... и в наши дни Фортуна отдается реалистам – тем, у кого набиты карманы. Видишь, Беба, даже богиня Фортуна и та отдается за деньги, как... впрочем, как все мы. Ты ведь не станешь этого отрицать?

– Прости, я не совсем поняла, – пробормотала Беба.

– Ладно, поясню...

Он снова налил себе коньяку и выпил и снова закусил лимоном, сжевав его на этот раз вместе с кожурой.

– Слушай меня, Беба. Пятьдесят тысяч пиастров для тебя большие деньги?

– Пятьдесят тысяч песо? О, конечно, громадные...

– Не правда ли? А если я предложу их тебе только за то, чтобы ты сегодня провела ночь у меня в спальне?

Беба уставилась на него большими глазами, медленно заливаясь краской:

– Что за шутки, Херардо?.. Разве я дала повод?..

– А я вовсе не расположен шутить, моя мышка, – с усилием выговаривая слова, заявил Жерар. – Это серьезнее, чем вы думаете, мадемуазель...

– Ах вот как, – тихо сказала Беба и вдруг вскочила с дивана. – Вот как! Так вот, значит, для чего вы мне дали те деньги! В таком случае вы слишком рано проговорились, мой сеньор! – крикнула она, направляясь к двери.

Жерар, вскочив с места с неожиданным для пьяного проворством, настиг ее и крепко схватил за руки:

– Постой, Беба...

Беба отшатнулась, пытаясь высвободиться:

– Пустите меня, слышите! Вы что – хотите, чтобы я закричала?

– Выслушай, что я тебе скажу...

– Мне нечего вас слушать. Пустите!

Она вырвалась вдруг таким резким движением, что Жерар потерял равновесие и снова схватился за нее, чтобы не упасть. Беба размахнулась и звонко ударила его по щеке. Мгновенно протрезвев, Жерар отступил на шаг, глядя на нее остановившимися глазами.

– Как вам не стыдно! – крикнула она с отчаянием. – Как вам только не стыдно! Я еще думала, что... – голос ее задрожал и прервался, – что вы совсем не такой, как все эти... Господи, что вы наделали, Херардо!

Она расплакалась навзрыд, закрыв лицо руками. Жерар отошел к своему креслу, сел, опустив голову. Плакала Беба долго, он молчал. Постепенно она начала успокаиваться.

– Пойдите приведите в порядок лицо, нельзя так выходить, – сказал он негромко, когда она, всхлипывая, взяла со стола свою сумочку.

Беба послушалась, ушла в ванную. Жерар, проводив ее взглядом, взял трубку и трясущимися пальцами стал набивать, рассыпая табак себе на колени.

Через несколько минут Беба вернулась – с восстановленной косметикой и в солнцезащитных очках.

– Деньги я вам верну по почте, – не глядя на Жерара, сказала она, уже взявшись за ручку двери. – Сегодня же!

Вернувшись домой, Беба выдернула из-под кровати чемодан, достала спрятанные на дне четыре билета по пятьсот песо и снова вышла на улицу, в знойное безветрие февральского полдня. В маленьком помещении почтовой конторы было еще жарче, дребезжащий в углу вентилятор без толку перемешивал густой и липкий как патока воздух, чиновник за барьером – в расстегнутой рубашке с засученными рукавами – выписывал и штемпелевал квитанции с оловянным видом, то и дело отирая лицо мокрым платком. Беба стояла в очереди с заполненным бланком в руке и чувствовала, что ей вот-вот станет нехорошо. От духоты ее очки сразу же запотели, но она не снимала их, чтобы не показать заплаканных глаз.

Сдав наконец перевод, она торопливо вышла из конторы и, перейдя на другую сторону улицы, остановилась под парусиновым навесом у витрины какой-то лавчонки. Еще полчаса назад ей казалось, что, освободившись от этих денег, она освободится и от сознания незаслуженной обиды, смоев с себя всякий след полученного оскорбления. Но этого не случилось, ей вовсе не стало легче оттого, что она порвала последнюю нить, связывавшую ее с Бюиссонье. Она не могла сейчас понять, что с ней происходит. Почему случившееся так ее потрясло?

Такси с поднятым красным флажком «свободно» выехало из-за угла медленно, словно и на машину действовал душливый полуденный зной. Беба подошла к краю тротуара и подняла руку.

– Куда-нибудь в центр, – сказала она шоферу, хлопывая за собой дверцу.

Шофер опустил флажок и выбросил в окно окурочек.

– Центр большой, сеньорита, – не оборачиваясь, сказал он лениво, включая скорость.

– Ну давайте на Пласа-де-Майо...

Выйдя из такси на площади, Беба несколько минут постояла в тени пальм, рассеянно глядя на древнего старичка в канотье, кормящего голубей возле входа в метро, на черные лимузины с номерами дипломатического корпуса, выстроившиеся перед Розовым домом, на девушек в темных очках и узких синих брюках, проносившихся мимо на стрекочущих белых мотороллерах. У нее самой не было ни «кадиллака», ни даже мотороллера, но все равно смотреть на это было приятно. Истая горожанка, родившаяся и выросшая в столице, она любила пеструю сутолоку центра, лихорадочный темп столичной жизни, метровые буквы анонсов над входами в кинематографы, столики на тротуарах и стиснутые многоэтажными фасадами потоки автомобилей. Даже убийственный в летние дни воздух Буэнос-Айреса – раскаленная смесь пыли, шума и бензинового перегара, – даже этот воздух был ей приятен. Он был ее родным воздухом, и она не променяла бы его ни на какой другой.

Постояв под пальмой, Беба пересекла площадь и села за мраморный столик под навесом кафе. Мосо, изнывающий от жары в своем наглухо застегнутом белом кителе, принес ей стаканчик гренадина и тарелочку с колотым льдом. Беба помешала соломинкой рубиновую жидкость и, сделав глоток, снова задумалась.

Полтора года назад – после разрыва с маэстро Оливьери – она попыталась «переменить климат». Выбрала самый маленький, самый стопроцентно провинциальный городок в провинции Мендоса: сутки езды от столицы, семь тысяч жителей, один отель, два кафе, церковь Сан-Игнасио де Лойола и один кинематограф, действующий по субботам и по воскресеньям, – не городок, а сплошная идиллия.

Возможность устроиться была – если не куда-нибудь в бюро, то хотя бы продавщицей. Ее взяли бы с распростертыми объятиями – она сразу поняла это по тому фурору, который произвели на вокзале и в отеле ее туфли на итальянском каблукке (такие в то время были новостью даже для столицы), ее дорожный костюм из шотландского твида и мягкий, кремовой кожи чемодан на молниях. Конечно, ее взяли бы, даже если бы для этого потребовалось уволить без предупреждения какую-нибудь провинциалочку, проработавшую на своем месте не один год. Более того, она могла бы в одну неделю расстроить любую партию и еще через месяц выйти замуж за какого-нибудь сына лавочника или скотовода. Но разве это была бы жизнь?

Она видела, как там развлекалась молодежь. Одноэтажный отель стоял на площади, напротив церкви. Площадь крошечная – сотня шагов в диаметре, середину занимает цветничок, вокруг него тротуар и скамейки. Днем на ней не увидишь ни души, зато с закатом солнца начинается традиционная провинциальная карусель. Молодые люди – местные донжуаны – сидят на скамейках, а мимо них прогуливаются сеньориты на выданье – группками по две, по три. Донжуаны покуривают сигаретки, рассказывают друг другу мужские анекдоты и окидывают сеньорит оценивающими взглядами прожженных сердцеедов; те шепчутся между собой и неестественно громко смеются. В десять часов сеньориты расходятся по родительским домам, а молодые люди заканчивают вечер либо в баре отеля, либо в одном из двух кафе – «Альгамбра» или «Дос Чинос».

Она терпела все это двое суток, а на третий день с утра отправилась на вокзал и купила обратный билет. Поезд уходил в полночь; в последний вечер своего пребывания в идиллическом городке она надела черный свитер и свои самые узкие брюки и вышла на площадь, усевшись на свободную скамейку, как раз под фонарем. На этот раз карусель пошла обратным ходом: сеньориты, оскорбленные в своих лучших чувствах, демонстративно покинули площадь, а донжуаны весь вечер ходили по кругу и не отрывали глаз от скамейки под фонарем, как солдаты на параде, проходящие мимо трибуны президента республики. Беба сидела с мечтательным видом, заложив ногу на ногу, и покуривала «Лаки Страйк».

Вернувшись в Буэнос-Айрес, она уже знала, что никогда не сумеет отказаться от всего того, что давала ей ее профессия, – от известной свободы, от возможности хорошо одеваться, вести столичный образ жизни, иметь поклонников. Веселая и циничная среда художников и

скульпторов показалась ей родной, словно она в ней и родилась, и выросла. Через шесть месяцев один из ее приятелей по кафе «Аполо», ташист Маранья, познакомил ее со своим другом Джонни Ферраро, сыном фабриканта велосипедов. У Джонни была отдельная холостяцкая квартирка в Палермо, собственный «крайслер» и громадная коллекция джазовых пластинок...

Беба вздохнула и потянула через соломинку свой гренадин, потом достала из сумочки сигареты и зажигалку. Конечно, говорить о невинности не приходится. Чего только не услышишь за три года работы натурщицей... и чего только не насмотришься. Но почему, почему сейчас она восприняла это именно так? Скажи это ей кто-нибудь другой – она просто дала бы ему по физиономии и забыла бы о нем через полчаса. Но Херардо... Как мог сказать это именно он, Херардо?

Как мог он это сказать и как может она переживать это таким образом? Кто для нее этот Бюиссонье? Никто! Конечно, он был ей очень симпатичен, симпатичен с первого взгляда. Такой худой и нескладный, с растрепанной светлой шевелюрой, широко расставленными глазами и большим насмешливым ртом. Конечно, она чувствовала к нему доверие. Но после истории с Джонни Ферраро она считала себя достаточно застрахованной от того, чтобы так переживать потерю этого самого доверия. Правда, чем доверие сильнее, тем больше воспринимается обман. Но, Санта Мария, разве у нее были основания питать к Бюиссонье какое-то особое доверие, какие-то особые чувства?..

Пожилой господин с фатовскими усиками, в щегольски сдвинутой набекрень дорогой светлой шляпе, подошел к ее столику.

– С вашего позволения, сеньорита, – сказал он вкрадчиво-наглым тоном, берясь за спинку свободного кресла.

Беба бросила на него ледяной взгляд:

– Не видите других столиков? Тогда побывайте у окулиста, в ваши годы это нелишне.

– О-о, роза, оказывается, с шипами, – не смутился тот и сел поодаль, подождав мосо движением пальца.

На башне муниципального совета часы пробили половину второго. Беба машинально сверила свои часики. Только половина второго... Столько времени впереди, и нечем его убить! Сегодня будет долгий и пустой день, и завтра, и послезавтра, и всегда. Неужели это действительно навсегда – жить вот так, неизвестно для чего, вечно выслушивать одни и те же приставания и комплименты и все время обманываться в людях... Именно в тех, кто вдруг покажется ей особым, ни на кого не похожим, способным придать ее жизни какой-то смысл...

Разноцветные нарядные автомобили один за другим проносились мимо с тем характерным шипением, которое появляется в слишком жаркие дни, когда размягченный асфальт липнет к крышкам. Лед в тарелочке давно растаял, муха пристроилась на краю стакана с согревшимся гренадином. За соседним столиком господин в светлой шляпе развалился в своем плетеном кресле, закинув ногу за ногу, и взглядом знатока рассматривал рыжую девушку; он твердо решил дождаться ее ухода, чтобы пройтись за ней следом квартал-другой и получить таким образом возможность в полной мере оценить ее сложение. Пикантная штучка, черт возьми, ему будет о чем рассказать в клубе сегодня вечером...

Беба закурила сигаретку и тут же ее бросила: в такую жару курить не тянет. Может быть, это все только от жары – и эта тоска, и эта путаница в голове, и все эти непривычные и ненужные мысли о бессмысленности жизни... Она ведь никогда о таких вещах не думала. Или это приходит с возрастом? Хотя – возраст, какой там еще возраст, ей ведь не тридцать лет! У нее впереди вся молодость. Да, но что она ей дает, эта ее молодость? А в будущем?

Удушливый зной пылал над городом, плавя асфальт и накаляя стекло и бетон. Огибая площадь, бесконечным потоком неслись мимо сверкающие приземистые автомобили, оставляя за собой голубоватый бензиновый дымок. Стрелки старинных часов на башне муниципального совета подходили к двум. Рыжеволосая девушка продолжала сидеть перед стаканом гренадина,

красивая, нарядно одетая, тщательно причесанная по последней моде, – и ее сердце все больше сжималось под гнетом непривычной тоски и необъяснимого страха.

8

Сыновья никогда не приносили донье Марии Ларральде ничего, кроме огорчений. Казалось бы, два взрослых сына могли бы стать хорошей опорой для бедной вдовы, будь это нормальные сыновья, как у людей. Старший, Пабло, вообще покинул дом – в сорок третьем году удрал в Бразилию и поступил добровольцем в войска союзников. Правда, семья Ларральде прославилась на всю улицу, но донья Мария этой славой не упивалась. Пабло дрался на итальянском фронте, встретил там какую-то девчонку и после перемирия с ней обвенчался. Сейчас он работает механиком в Турине и все никак не может накопить денег даже на то, чтобы приехать в гости к родной матери. Просто стыд, своих собственных внуков она знает лишь по фотографиям! Только Пабло мог придумать такую глупость – сменить Америку на Европу в такое время, когда все разумные люди поступают наоборот.

А младший, Хиль? Скольких трудов стоило ей, с ее вдовой пенсией, дать ему образование, дотащить его до университета! Разве он это понимает? Правда, учиться он учится; на первых трех курсах – когда было полегче – он даже учился и работал, дважды в месяц честно принося матери всю получку, но зато без него не обходится ни одна студенческая забастовка, ни одна драка. Если сосчитать, сколько дней провел он в тюрьме за эти шесть лет... Вот и сейчас – человеку остался месяц до graduacion⁶, а он снова сел. А если его теперь исключат? Нет, это горе, а не сыновья.

Правда, на этот раз донья Мария волновалась больше по привычке: она побывала у доньи Марты, сынок которой тоже попался шестнадцатого февраля, и та сказала ей, что всех задержанных по этому делу должны выпустить по ходатайству поручившейся за них университетской ассоциации.

Действительно, утром двадцать третьего, в карнавальную субботу, к донье Марии явилась незнакомая сеньорита и сообщила, что коллега Ларральде будет освобожден сегодня после обеда.

На этот раз донья Мария решила обойтись без торжественной встречи. Довольно, пусть Эрменехильдо наконец узнает, что она думает по поводу его образа жизни. Приготовления ко встрече блудного сына ограничились куском мяса, выбранным, правда, с особым вниманием, и двумя поставленными на лед бутылками пива.

Блудный сын явился в пять часов – в изжеванном костюме, от которого разило дезинфекцией, небритый и голодный как волк, но, как всегда, неунывающий. Донья Мария всплакнула и приготовилась долго говорить о сыновней неблагодарности, но Хиль схватил ее в объятия, покружил по комнате, опрокидывая стулья, и отнес на кухню. Поняв намек, донья Мария решила отложить объяснения и принялась за стряпню.

Полчаса Хиль отмывался под самодельным душем, приплясывая на деревянной решетке и во все горло распевая арагонскую хоту. Потом он сидел за столом, чистенький и выбритый, уписывал чурраско, запивая его пивом, и, с набитым ртом, рассказывал матери, как они портили кровь тюремщикам.

– Тебе все весело, – укоризненно сказала донья Мария, втайне любясь сыном, – а каково мне? Костюм теперь придется отдавать в чистку, опять лишний расход. Меньше пятидесяти этот японец не возьмет...

– Что такое пятьдесят песо? – пожал плечами Хиль. – Скоро ко мне потекут гонорары! Он сделал обеими руками загребуший жест и задумался.

⁶ *Градуйация* – получение университетского диплома (в Латинской Америке).

– Мама, газета за шестнадцатое у тебя сохранилась, вечерняя?

– Хочешь полюбоваться на свое имя? – спросила донья Мария, доставая с полки газету. – Мне уже стыдно смотреть в глаза соседям!

– Слава – вещь утомительная, – согласился сын. – А ну-ка...

Он развернул перед собой газету, продолжая с аппетитом жевать. Ага, вот оно: «Новые беспорядки на факультете медицины. Сегодня, в послеобеденные часы, группа студентов-медиков, подстрекаемая левыми элементами, произвела крупный беспорядок в здании своего факультета, пытаюсь...» Ну, это пропустим – что мы пытались сделать, это мы и без вас знаем. Так... «...Вынуждены были применить силу. При очистке здания от ворвавшихся туда нарушителей порядка оказали сопротивление и были задержаны федеральной полицией следующие лица...» О дьявол, сколько их здесь. Сначала, конечно, девочки, – ясно, наша традиционная галантность, дорогу дамам... Сеньорита Ана Мария Роблес, год рождения 1933, проживающая по улице Лавальеха 1270, Оливос. Сеньорита Мерседес Аларкон, 1933, Пастер 416. Сеньорита Хильдегард Кронберг – а, это, наверное, та немочка с третьего курса... Сеньорита Глэдис Каталина Москардо – верно, была такая, эта и в самом деле дралась, даже очки потеряла. Сеньорита Сильвия Аморетти, 1936, – наверняка какая-то первокурсница, сосунок, ей-то и вовсе не стоило мешаться. Ага, вот – сеньорита Элена Монтеро, 1933, Артигас 628, Линьерс. Где же это в Линьерсе улица Артигас?

Хиль заботливо свернул газету и сунул в карман.

– Ешь, у тебя все простынет, – сказала донья Мария.

– Ем, ем. От Пабло ничего нового?

– Получила позавчера. Пишет, что трудно с работой.

– Пусть приезжает, чего ему там сидеть!

Донья Мария поджала губы.

– За Пабло думает теперь его жена, вот чего я боюсь.

– Ну, у него тоже есть голова на плечах.

– Ох, сынок, когда человек женится, про свою голову он забывает прежде всего...

– Ладно, я ему напишу сам, – важно сказал Хиль, допивая остатки пива. – Слушай, ты хорошо знаешь Линьерс? Где там улица Артигас?

– Артигас? – Донья Мария в раздумье покачала головой. – Не знаю, я в Линьерсе почти никогда и не бывала. Если хочешь, спрошу у соседей. Дон Хулио должен знать – почтальоны знают все улицы.

– Не надо, я поищу по Пеусеру. – Хиль встал из-за стола и закурил. – Знаешь, я пойду вздремну, там почти не спал... Клопы жутко кусали – прямо тигры какие-то!

На следующее утро Хиль еще раз позвонил своей новой знакомой и опять ее не застал. Он уже знал, что сеньорита Монтеро живет в меблированных комнатах, но явиться без предварительного ее согласия не решался и отложил дело до телефонного разговора.

Донья Мария ушла к мессе, а он повалился еще на кровати, наслаждаясь свободой, перечитал газеты за восемь дней и решил съездить в клуб университетской ассоциации – повидать знакомых и поделиться тюремными впечатлениями.

По случаю первого дня карнавала на улицах было шумно. Несмотря на расклеенный всюду полицейский эдикт, запрещающий употребление ракет и петард, на каждом перекрестке трещала и взрывалась какая-то дрянь, и улицы пахли порохом, как после хорошего сражения. С балконов и из дверей прохожих окатывали водой; Хиль сначала обходил опасные места, оберегая свой последний костюм, но в конце концов – за квартал до спасительной остановки автобуса – какая-то каналья подкралась к нему сзади и выплеснула за шиворот целую кружку. Тогда он вошел во вкус и, захватив врасплох девушку, вытащившую на улицу полное ведро,

целиком вывернул его ей же на голову. Та, облепленная мокрым платьем, с визгом убежала, и Хиль сел в автобус, чувствуя себя отомщенным.

В клубе не оказалось никого из знакомых. Заглянув в библиотеку, в гимнастический зал и на лодочную станцию, Хиль побродил по аллеям и направился в буфет. Тут ему повезло больше. В самом углу террасы сидел за столиком длинный парень в массивных роговых очках, некий Пико, юрист с четвертого курса. Увидев его, Хиль повеселел: они познакомились полгода назад на одном диспуте, причем каждый убедился в полном идиотизме взглядов другого, и с тех пор оба всегда находили в разговорах какое-то странное взаимное удовольствие.

– Salud! – сказал он, усаживаясь за столик Пико. – Ну как там поживают сеньоритос с факультета права и общественных наук?

– Привет, – в тон ему отозвался тот. – А как эскулапы?

– Эскулапы... – усмехнулся Хиль, перочинным ножом отколупывая зубчатую крышечку с пивной бутылки, – эскулапы подвергаются полицейским гонениям, дорогой мой крючоктвор... пока коллеги-правоведы подзубривают свои конспектики... Э, дьявол! Подставляй, живо...

Он разлил пиво по стаканам и по примеру Пико снял пиджак, повесив его на спинку своего стула.

– Что ж, – ехидно сказал Пико, – отдаю должное вашей мудрости. Стыдно прожить жизнь, ни разу не вмешавшись в политику, не так ли? Вот вы и вмешиваетесь в такие дела, которые не грозят ничем, кроме недельной отсидки. А потом такой «политик» получает диплом, открывает домашнюю практику и начинает вести благонамеренный образ жизни. Твое здоровье!

– Взаимно. Интересно знать, в какие это дела вмешиваетесь вы, будущие столпы закона?

– В такие, за которые полагается военно-полевой суд, уважаемый *curandero*⁷. Перечитай историю Латинской Америки за последние полстолетия! Если ты сможешь мне указать хоть один государственный переворот, который обошелся без участия студентов юридических факультетов... Я, понятно, говорю именно о политических переворотах, а не о каких-нибудь вульгарных *cuartelazos*⁸.

– Ого! Уж не хочешь ли ты сказать, что вы готовитесь к государственному перевороту?

– Я хочу сказать, что мы готовимся к той политике, которая делается в парламентах и президентских дворцах... а не в аудиториях.

– Сильно сказано, мой птенчик. Ну, твое здоровье! Когда станешь президентом, побереги для меня портфель министра здравоохранения.

– Если к тому времени тебя не упекут за незаконные аборты.

– Заметано, от абортов в таком случае воздержимся...

Прятели молча допили пиво, потом Пико спросил, как прошла отсидка.

– Как всегда, – ответил Хиль, – клопы только кусали. По-моему, их там специально разводят – каждый раз все больше. Мутанты какие-нибудь.

– Я, когда весной сидел, взял с собой ДДТ.

– Предусмотрительно. А вообще весело было, мы там по ночам такие концерты закатывали... У тюремщиков, наверное, печень сейчас вот такая – от злости. Ты знаешь, какую я встретил девочку, просто феномен, глаза – ну просто как фиалки. И анатомия на высший балл. Какие бедра, старик!

– В Дэвото встретил?

– Нет, еще до. Собственно говоря, из-за нее я и сел, иначе ускользнул бы. Понимаешь, она не из наших, в свалку попала совершенно случайно, ну и влипла. Я ей крикнул смываться, а сам прикрывал отступление – нокаутировал одного, другого, третьего. А потом нас взяли. –

⁷ Знахарь (исп.).

⁸ Армейские путчи (исп.).

Хиль печально вздохнул. – Подавляющее превосходство сил противника, против этого, че, даже японские камикадзе ничего не могли бы сделать. Принести еще пива?

– На мою долю не нужно.

– Ты это сам все высосал? – изумился Хиль, пересчитывая пустые бутылочки из-под кока-кола.

– Нет, я здесь со знакомыми... Они сейчас играют. – Пико кивнул в сторону скрытых за живой изгородью теннисных кортов.

– Ты бы тоже попрыгал, – держу пари, бицепсы у тебя уже атрофировались, осталось одно рудиментарное воспоминание. А те, другие, тоже крючкотворы?

– Один – да, а другая вообще еще никто. Из лица.

– О-о, даже так? Берегись несовершеннолетних, старик, тут дело уже посерьезнее, чем нелегальный аборт. Что говорит по этому поводу Уголовный кодекс?

– Иди ты к дьяволу, мы с ней знакомы по клубу ХОК⁹.

– А, это, конечно, гарантия, – засмеялся Хиль, – беру свои слова обратно. Говорят, у вас девочки носят вместо нейлона власяницы?

– Иди к дьяволу, – с досадой повторил Пико, – болтаешь всякую чушь...

Хиль покровительственно похлопал его по плечу:

– Ладно, старик, не хочу оскорблять твои лучшие чувства. Ты мне лучше вот что скажи: ты знаешь такого падре Франсиско Гальярдо?

– Ну еще бы. А что?

– Ничего, мне недавно показали его в одном месте, он меня просто заинтересовал. Он, кажется, из Общества Иисуса?

– Да. Он ведь главный редактор «Критериума», ты разве не знал?

– Такой литературы не читаю. Мне сказали, что это один из руководителей «Католического действия». Но не в том дело, меня просто заинтересовал его вид. Ты понимаешь, у него вид настоящего офицера контрразведки... глаза, я хочу сказать, и вообще манера держаться.

– Я его знаю, как же... – задумчиво сказал Пико. – Он у нас часто бывает в клубе. То есть по-настоящему-то я его, конечно, не знаю...

– Попробуй узнай иезуита, – вставил Хиль, усмехнувшись.

– Конечно... Я знаю, в общем, то, что знают все, – что он защитил два доктората, теологию в Саламанке и каноническое право где-то в Италии и считается одним из виднейших неотомистов... Пишет он блестяще, его статьи в «Критериуме» можно поместить в любую антологию. А вообще, мне он, по правде сказать, не особенно симпатичен.

– По правде сказать, мне вообще не особенно симпатичны попы, – сказал Хиль, потягиваясь. – Бог меня прости, но это так. Попы вообще и иезуиты в частности. Ну, я иду за пивом.

– Сиди, я принесу! Мне нужно разменять деньги.

Пико собрал пустые бутылки и ушел. Хиль закурил сигарету и, шурясь, стал смотреть на искрящуюся в просветах зелени реку, по которой медленно скользил с поднятыми веслами длинный гоночный скиф. Черт возьми, какие все же у этой Монтеро удивительные глаза – такая необыкновенная окраска радужной оболочки...

В это время девушка в коротком теннисном костюме и белом картузике с зеленым целлулоидным козырьком поднялась на террасу, весело размахивая ракеткой, и остановилась в замешательстве, увидев за своим столиком незнакомца. Почувствовав на себе ее взгляд, Хиль оглянулся и широким жестом указал на стул.

– Прошу! – крикнул он. – Сеньор Ретондаро пошел за выпивкой, сейчас вернется.

⁹ Католическая рабочая молодежь (*исп. Juventud Obrera Catolica*) – международная клерикально-молодежная организация на Западе.

Девушка подошла и, кивнув Хилю застенчиво и высокомерно – тот с любопытством оглядел ее ноги, – села за стол, положив перед собой ракетку.

– Будьте как дома, – продолжал он, – все равно я вас знаю. Вы учитесь в лицее, верно?

– Верно, – подтвердила она, чуть приподняв брови.

– Ну вот, а меня зовут дон Хиль, только у меня нет зеленых штанов.

У девушки были красивые руки с тонкими пальцами, нежный румянец и чуть раскосые глаза креолки. Несмотря на все это, Хилю она не понравилась. Неженка и ломака, решил он, типичная недотрога из Баррио-Норте¹⁰.

– Вы, вероятно, друг Пико? – спросила она, явно не зная, о чем говорить, но чувствуя неловкость молчания. – Боюсь, он тоже изводит вас разговорами о политике... Это, похоже, единственная тема, что его вообще интересует.

Хиль медленно выпустил длинную струю дыма и откинулся назад вместе со стулом, балансируя на задних ножках.

– А вот и не угадали! На этот раз, представьте себе, мы с ним говорили не о политике. Сукин сын уговаривал меня не делать аборты – это, мол, незаконно. Крючоктвор, что вы хотите... В голове одни параграфы. Насчет легальной стороны дела не спорю – что незаконно, то незаконно. Но с другой стороны – жить-то надо? Вот чего он не учитывает. А платят врачам мизерно. Жаль, не было вас, – продолжал он, наслаждаясь ее растерянностью, – впрочем, он сейчас вернется, и мы продолжим.

– Послушайте, если вы собираетесь попробовать на мне свое остроумие, то я лучше встану и уйду. Я не люблю таких разговоров, дон Хиль.

– Один – ноль в вашу пользу, – поклонился Хиль. – Какие же разговоры вы любите? О цветах и поэзии?

– Вы не разбираетесь ни в том, ни в другом, держу пари.

– Верно, в гнойных воспалениях кишечника я разбираюсь куда лучше. Смотрите, вон идет наш крючоктвор.

– Как дела, Дорита? – осведомился Пико, ставя на стол бутылки. – Выиграла?

– Проиграла, – сердито отозвалась девушка.

– Сочувствую. Вы уже успели познакомиться?

– Более чем достаточно!

– Мы с Доритой поспорили из-за политики, – посмеиваясь, заявил Ларральде.

Девушка возмущенно взмахнула ресницами, но сдержалась и ничего не сказала.

– Ведь верно, Дорита? – не унимался тот.

– Дон Хиль, меня зовут Дора Беатрис, – холодно сказала она, не удостоивая его взглядом.

– Да хватит вам грызться, в самом деле! – воскликнул Пико, удивленно посмотрев на обоих. – Пейте лучше лимонад, пива больше нет, Хиль. Вы что, действительно поругались из-за политики? Ты меня удивляешь, Дорита. С каких это пор тебя интересуют политические разговоры? На каком же вы вопросе споткнулись?

– Экспансия США в Латинской Америке, – непринужденно назвал Хиль первую пришедшую ему в голову популярную тему. Пико фыркнул от смеха, поперхнувшись лимонадом, а Дора Беатрис выразительно пожала плечиками как человек, вынужденный терпеть не первую глупость собеседника.

– Чего развеселился? – спросил он у Пико, ничего не понимая. – По-моему, вопрос достаточно злободневный.

– Еще бы – а, Дорита? Ты как на это смотришь?

Дора Беатрис ничего не ответила, продолжая тянуть через соломинку свой лимонад.

¹⁰ Северный район – аристократическая часть Буэнос-Айреса.

– Хорошо, Дорита, не обижайся, я больше не буду. Кстати, – повернулся он к Хилью, – ты помнишь этого баска Арисменди, который перевелся к нам со второго курса медицинского?

– Помню, как же. Он сейчас у вас? Еще бы не помнить – мы с ним были в одной группе. А ты знаешь, почему он перевелся? Это целая потеха. Он не любил работать с трупами, и мы раз – смеха ради – нарочно подсунили ему такой, знаешь, выдержанный... Он там черт знает сколько времени валялся в рефрижераторной камере, вытащили его откуда-то из-под самого спуда, и выглядел покойник, надо признаться, по-настоящему мрачно...

Хиль засмеялся и взглянул на Беатрис, которая быстро поставила на стол свой стакан.

– Вот после того случая Арисменди и решил сменить факультет. Так что ты про него начал?

– Нет, это в связи с вопросом североамериканской экспансии... Арисменди недавно выступал на эту тему в Союзе демократической молодежи, я там тоже присутствовал. В основном он говорил о мерах противодействия, так потом на прениях такое началось – едва не дошло до драки. Ты понимаешь – мы считаем, что с этим можно бороться только путем создания независимой промышленной базы: пока ее нет, мы связаны по рукам и по ногам...

– Этого мало, – покачал головой Хиль. – Тут нужно что-то другое. Какая, к черту, может быть «независимая промышленная база» в наших условиях? Самообман, че! Мы строим заводы, а финансирует это тот же Уолл-стрит. Не знаю, до сих пор нам эта «индустриализация» помогала, как утопленнику клизма...

Беатрис встала и взяла со стола ракетку.

– Пико, я сыграю еще один сет. Прошу прощения...

Хиль проводил ее оценивающим взглядом.

– Да, – сказал он, – клизма ее доконала. Можешь ты мне объяснить, что это вообще за мамзель Фифи? Откуда ты ее выкопал такую?

– Дочь профессора Альварадо, историка. Язык у тебя действительно...

– А что я такого сказал? Пусть привыкает. Почему ты засмеялся, когда я сказал насчет экспансии? Ей, по-моему, и это не понравилось. О чем, скажи на милость, можно с ней вообще говорить – о цветочках?

– Понимаешь, Дориту этой самой экспансией изводят все кому не лень. Дело в том, что у нее приятель – янки. Тут как-то приезжала студенческая делегация из Штатов – у нас в ХОК мобилизовали всех знающих английский, ну и она тоже попала – как переводчица. Там она и влюбилась в какого-то парня из Массачусетского технологического.

– Предательница, – сказал Хиль, – мало ей аргентинцев!

– Сердцу, как говорится, не прикажешь...

– Чепуха, на это есть разум. Янки, надо полагать, ответил взаимностью?

– Во всяком случае, они переписываются, и об этом все знают. А потом вышла такая история: был митинг солидарности с Гватемалой, выступал один парень из Пуэрто-Рико и говорил о политической экспансии Соединенных Штатов на нашем континенте, а кто-то возьми и передай ему такую записку: «Если янки приезжает с визитом дружбы в латиноамериканскую республику и похищает там невинное сердце, является ли это тоже актом экспансии?» И подписал – «Дора Беатрис Альварадо». А тот не успел сообразить, все и прочитал с трибуны вслух, прямо с подписью. Что тут началось!

Хиль расхохотался:

– Вот это здорово! А она что же?

– Ее самой, к счастью, на митинге не было... Рассказали на другой день. Она потом месяц нигде не появлялась. С тех пор ее этой экспансией и изводят. Я думал, ты тоже нарочно это сказал...

– Нет, я об этой истории ничего не слышал. Это ваши детские забавы, мы народ более серьезный.

– Ясно, еще бы. А за что Дорита на тебя обиделась?

Хиль закурил и пренебрежительно пожал плечами:

– Понятия не имею... У нее, кстати, приятная рожица, тот янки определенно не лишен вкуса. Ей что же, лет шестнадцать? А, семнадцать... Совсем еще сосунок. Что, пива и в самом деле нет?

– Нету, я же сказал.

– Канальи, успели вылакать, – с сожалением вздохнул Хиль. – Правда, жара сегодня зверская... Хорошо еще, что карнавал, по крайней мере, хоть водой обливают. Танцы вечером будут?

– Надо полагать. Хорош был бы карнавал без танцев... Завтра, кстати, экзистенциалисты устраивают свой годовой бал. Любопытно будет взглянуть, – ты не собираешься?

– Я, видишь ли, не психиатр, меня это не особенно интересует. Да и потом, мне сейчас придется поднажать – экзамены есть экзамены.

Приятели поболтали еще полчаса, потом к ним за столик подсели двое однокурсников Пико и затеяли малоинтересный для медика разговор о только что опубликованной в Мексике новой книге Висенте Саэнса. Несколько минут Хиль, позевывая, слушал глубокомысленные рассуждения крючкотворов о проблеме военно-морских баз в заливе Фонсека, о пакте Брайан-Чаморро и о том, насколько подписанные в Чапультепеке и Рио-де-Жанейро соглашения подготовили почву для того, что случилось в Боготе. «Черт возьми, – подумал он наконец, вставая из-за стола, – лучше иметь дело с недельным трупом, чем с этими пактами и соглашениями...»

В буфете он подождал, пока какая-то девица кончила обсуждать по телефону последний фильм Росселлини, и опять набрал 64-26-11. На этот раз ему повезло – сеньорита Монтеро оказалась дома. «Наконец-то», – проворчал он и свирепо мотнул головой в ответ на умоляющий взгляд любительницы итальянского неореализма, которая, по-видимому, забыла что-то сказать и снова разлетелась было к телефону.

В трубке слышались чужие разговоры, потом простучали каблучки и раздался знакомый голос:

– Ола, кто это?

Хиль откашлялся.

– Сеньорита Монтеро? Это я, Ларральде... Ну, тот, из факультета – помните?

– А-а, доктор... Добрый день! Вы звоните из Вилья Дэвото?

– Нет, я уже вчера выпорхнул. А вы давно?

– Я? Меня выпустили девятнадцатого.

– А-а, раньше всех... Ну как вы там?

– Ничего. Вас в тюрьме кусали клопы?

– Как всегда, это я просто забыл вас предупредить... На свежего человека они действуют особенно сильно. Сеньорита Монтеро!

– Да?

– Мне нужно вас видеть.

Трубка помолчала, потом сказала нерешительно:

– Ну что ж... Когда-нибудь можно встретиться. Я только сейчас не знаю...

– Послушайте, сегодня начался карнавал, эти три дня даже биржевики будут отдыхать. Не скажете же вы, что у вас дела?

– Сеньор Ларральде, вы можете верить или не верить, но у меня действительно дела, – постоите, я вам объясню! Моя подруга – мы с ней вместе живем – подписала контракт на выезд, и сейчас вдруг оказалось, что вся труппа должна ехать послезавтра утром. Понимаете? Она думала, что через две недели, не раньше, и у нее ничего не готово. Понимаете? Я должна помочь ей собраться, так что сегодня и завтра я буду страшно занята...

– Хорошо, ловлю вас на слове – мы увидимся послезавтра вечером. Подруга ваша уедет утром, так что все в порядке.

– Ну ладно... Позвоните мне послезавтра, хорошо?

– Нет! – крикнул Ларральде. – Послезавтра в девять вечера я буду ждать вас у обелиска. Все! Значит, до послезавтра.

Он положил трубку, не дав ей времени ответить, и, весело насвистывая, вернулся к столу крючковаторов.

Тех было уже четверо, и они, судя по всему, уже успели переругаться и сейчас в четыре охрипших голоса обсуждали историческую роль генерала Сандино, причем двое называли его большевиком, а двое – национальным героем Латинской Америки, вторым Боливаром. Вернувшаяся с корта черноглазая Дора Беатрис сидела чуть поодаль – места за столиком ей не хватило – и со скучающим видом катала на ракетке теннисный мячик.

– Сеньорита Альварадо, – церемонно сказал Хиль, подсаживаясь к ней, – я должен попросить у вас прощения.

Девушка покосилась на него с опаской, словно ожидая новой пакости, и на лету подхватила скатившийся с ракетки мячик.

– Мы, медики, грубый народ, животные, – с чувством продолжал Хиль, – но вы войдите в наше положение! У нас самая антиэстетичная профессия в мире, нам просто некогда думать о цветах и поэзии...

– Пожалуйста, не говорите за других! – возразила она. – Я знаю одного студента-медика. Вам известен такой писатель – Линч?

– «Роман гаучо»?

– Да, в том числе. Он был близким другом моего отца, поэтому я хорошо знаю эту семью, тем более что они в родстве с де ла Серна. Так вот, племянник покойного дона Бенито, сын доньи Селии де ла Серна – он тоже изучает медицину, но как он знает и любит поэзию! И не только поэзию, он вообще человек с разносторонними интересами, много путешествует...

– Погодите-ка, – прервал Хиль. – Я, кажется, знаю этого любителя путешествий...

– Вполне возможно, – кивнула Беатрис, – Эрнесто, по-моему, тоже получает диплом в этом году – значит вы с ним на одном курсе.

– Группы-то у нас разные, но вообще мы встречались. Еще бы! Только пример не очень удачный, донья инфанта, – в смысле типичности. Редкий случай этот ваш Эрнесто Гевара де ла Серна. И я не уверен, что он достоин такого уж широкого подражания. Медицина все-таки требует полной отдачи, а значит, и полной сосредоточенности. Все это, конечно, неплохо... читать стихи, путешествовать, карабкаться по Андам и так далее. Но прежде всего нужно овладеть своей профессией – раз уж ты ее избрал, карамба, никто ведь тебя не тащил за уши. Так я смотрю на это дело, донья инфанта. Ну как – прощаете вы меня?

– Условно, – улыбнулась Дора Беатрис. – Видите, я уже усвоила язык этих ненормальных. – Она указала ракеткой на спорщиков.

– Вы с ними поменьше, они не тому еще научат. Как вам нравится этот спор?

Дора Беатрис пожала плечами и подбросила мячик, поймав его ракеткой.

– Я вообще ненавижу политику – это сплошная грязь. И слишком много крови. Не понимаю, как Пико может интересоваться этой гадостью! Вот Сандино умер за родину, и теперь его же обзывают большевиком. Как это все печально и... противно! Больше всего я люблю музыку, вот. Неоконченная симфония Шуберта, или его «Аве Мария», или Девятая Бетховена – хотя это совсем разные вещи, я вовсе не в смысле какой-то параллели, – за это можно отдать все политические программы и все революции мира. Вы не согласны?

– Я же вам сказал, в музыке я вообще ничего не понимаю, а политика... Как вам сказать, это дело сложное. Вот я у вас спрошу одну вещь: вы знаете что-нибудь о своих предках? Ну, скажем, как звали самого далекого, кем он был и так далее.

– Самый далекий предок? – Дора Беатрис удивленно взглянула на собеседника, не понимая неожиданного вопроса. – Ну... был такой дон Педро Мануэль Гонсальво де Альварадо, капитан-генерал испанской короны. А что?

– Сейчас объясню. Видите – вы знаете, кем был ваш прапрапрадед, а я не знаю даже своего деда. Знаю только, что мой отец, родом из Эстремадуры, приехал сюда в трюме вместе с другими эмигрантами. Так? Теперь представьте себе на минутку, что на свете не было всей этой «крови и грязи», как вы говорите, и не было, в частности, Французской революции. Сидели бы вы сейчас вот так, рядом, с сыном эстремадурского *arriero*?¹¹

– А-а, я понимаю, что вы хотели сказать... Ну да, но... – Дора Беатрис пожала плечами. – Это ведь просто нормальный прогресс... Конечно, люди не могли все время жить со всякими сословными предрассудками! Все это изменилось бы так или иначе, правда?

– Само собою ничего бы не изменилось. Как же вы себе это представляете – что в один прекрасный день наши гранды так просто взяли бы и отказались от своих привилегий?

Дора Беатрис помолчала, вертя в руках ракетку.

– Я не знаю, – сказала она наконец. – Я знаю только, что все это слишком страшно – если за социальное равенство нужно платить такой ценой. Вы вот упомянули о Французской революции... А вспомните, скольких жертв она стоила? Разве это не ужасно!

– Без жертв ничего не делается, нужно только видеть цель.

– Ну хорошо! Я вовсе не спорю против этой цели. Но почему люди непременно должны убивать одних, чтобы дать счастье другим? Вот чего я не понимаю!

– Я тоже не понимаю, – засмеялся Хиль. – Очевидно, такова жизнь, что ж делать! Вот вырастете, займитесь политикой и покажите нам пример.

Дора Беатрис сделала гримаску:

– Спасибо, предпочитаю заниматься музыкой.

– Это безусловно приятнее.

– Конечно! – с вызовом сказала она.

Хиль посмотрел на часы.

– Как летит время, – пробормотал он, подавляя зевок. – Не правда ли, донья инфанта Дора Беатрис Гонсальво де Альварадо?

– Что вы издеваетесь над моим именем? Не вижу в нем ничего смешного...

– Какой же тут смех? Гонсальво де Альварадо! – повторил он торжественно. – Звучит, звучит, ничего не скажешь.

– Послушайте, хватит, – покраснела черноглазая «инфанта».

– Молчу, молчу. Чертовски некстати этот карнавал – нужно работать, а настроения нет. Сегодня я с ног до головы окатил водой какую-то девчонку. Всемогущий Аллах, как она визжала!

– Вы бы тоже визжали, если бы вас окатили с головы до ног! Вообще, дурацкий обычай – эти игры с водой... Мне сегодня, пока я добралась сюда, совершенно испортили платье.

– Ничего, надо полагать, оно у вас не единственное.

– Почти, – с сожалением сказала Дора Беатрис. – Я собиралась завтра идти в нем на бал экзистенциалистов...

– Возьмите мешок и прорежьте три дырки – для головы и для рук. Для бала экзистенциалистов это будет в самый раз.

¹¹ Погонщик мулов (*исп.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.